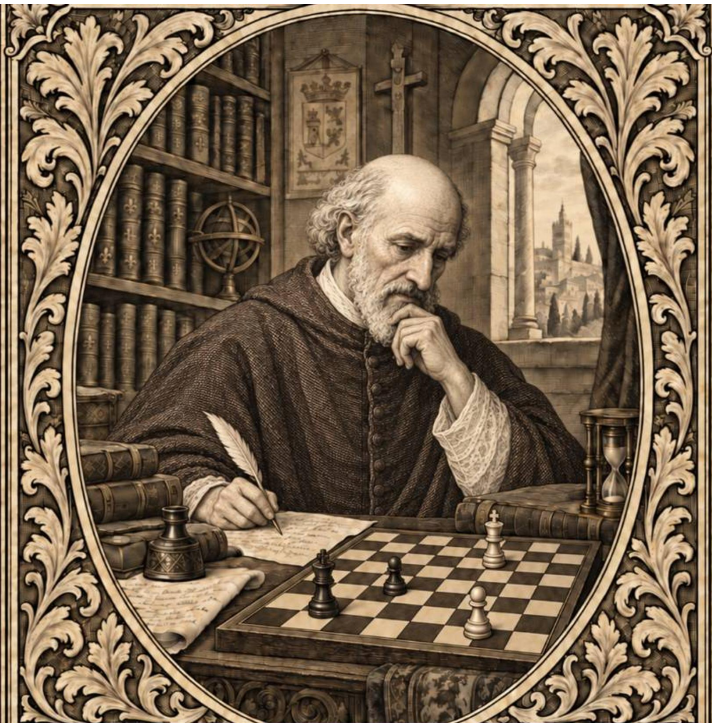

ШАХМАТНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ТОМ III

**РУЙ ЛОПЕС ДЕ СЕГУРА
КНИГА ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЬНОСТИ
И ИСКУССТВЕ ИГРЫ
В ШАХМАТЫ**

1561

Ру́й Сегу́ра

Книга об изобретательности и искусстве игры в шахматы

<https://litres.ru/74507167>

SelfPub; 2026

Аннотация

Третий том серии «Шахматные памятники»: перевод испанского издания Руя Лопеса 1561 года, от титульного листа и королевской привилегии до заключения и выходных данных. Русское издание подготовлено Александром Сергеевичем Власовым — автором идеи русского издания, составителем и редактором книги — с использованием инструментов искусственного интеллекта. При подготовке перевода проводилась сверка с изображениями страниц оригинального издания 1561 года. Исправления из авторского списка опечаток учтены и пояснены. Ненумерованные разделы выделены для удобства чтения, без новых номеров глав. Исторические суждения, ссылки и даты передают текст Лопеса. Редакционные пояснения отделены от авторского текста. В скобках курсивом даны расшифровки шахматных описаний в современной русской нотации. Особые правила XVI века, противоречия оригинала и неоднозначные реконструкции

объясняются отдельно. Диаграммы добавлены редакцией.
Портрет на обложке — художественная реконструкция.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Титульный лист издания 1561 года	9
Королевская привилегия	10
Посвятительное послание	13
Книга первая	20
Глава I. О том, что шахматы — игра, основанная на знании, и математическое изобретение	20
Глава II. О том, что достойная игра и отдых не только дозволены, но и необходимы для сохранения человеческой жизни	29
Глава III. В которой объясняется, кто был изобретателем этой игры	34
Глава IV. В которой объясняется, когда и где была изобретена эта игра	38
Глава V. В которой объясняется причина изобретения этой игры	41
Глава VI. В которой говорится, почему шахматных полей стало шестьдесят четыре, доска — квадратной, а бортики — высокими	49
Глава VII. В которой говорится, что означают тридцать два пустых поля доски	52
Глава VIII. В которой объясняются общие	56

названия шахмат и то, как назывались
игровые фигуры

Глава IX. В которой объясняются названия 60
отдельных фигур, их облик и расположение

Глава X. В которой описываются облик 66
короля, его место и ход

Глава XI. В которой описываются облик 77
королевы, её место и ход

Глава XII. В которой говорится об облике 86
слонов, их месте и движении

Глава XIII. В которой говорится об облике 99
коней, их месте и движении

Глава XIV. В которой говорится об облике, 105
месте и движении ладьи

Глава XV. В которой говорится об общем 110
движении и месте пешек

Глава XVI. В которой говорится о качествах 121
и пользе каждой пешки: какие лучше для
одного дела, а какие — для другого

Глава XVII. В которой описывается, как в 128
древности изображали пешку, стоящую перед
королём

Глава XVIII. В которой описывается облик 132
пешки, стоящей перед королевой, или дамой

Глава XIX. В которой говорится об облике 138
пешки, стоящей перед королевским слоном

Глава XX. В которой говорится о древнем облике пешки, стоящей перед слоном королевы	141
Глава XXI. В которой говорится об облике пешек, стоящих перед конями короля и королевы	144
Глава XXII. В которой описывается древний облик пешки, стоящей перед королевской ладьёй	150
Глава XXIII. В которой описывается древний облик пешки, стоящей перед ладьёй королевы	154
Глава XXIV. В которой говорится о значении фигур и пешек сообразно устройству этой игры	159
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Руй Лóпес де Сегúра

Книга об

изобретательности и

искусстве игры в шахматы

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

Перед вами третий том серии «Шахматные памятники» — русское издание книги Руя Лопеса де Сегуры, напечатанной в Алькала-де-Энарес в 1561 году. Вслед за трудами Лусены и Дамиано мы обращаемся к сочинению, в котором шахматная мысль XVI столетия обретает особую обстоятельность и полемическую остроту. Лопес объясняет, сравнивает, спорит с предшественниками и ищет основания для каждого суждения.

Для него шахматная доска — ещё и образ устроенного общества. Короли и королевы, судьи и рыцари, ремесленники, земледельцы и городская стража занимают на ней свои места. Рассуждения о фигурах соседствуют с преданиями о происхождении игры, нравственными наставлениями и подробными разборами ходов. Эти страницы позволяют уви-

деть, как тесно шахматы были связаны с представлениями своего времени о долге, власти, труде и человеческом характере.

Сегодня некоторые объяснения Лопеса могут показаться наивными, а варианты — несовершенными. Но тем интереснее следить за его мыслью: замечать точные наблюдения, встречать смелые догадки и видеть, как автор приходит к выводам, которые позднейшие поколения будут уточнять и пересматривать. Мы предлагаем читать эту книгу с вниманием к её эпохе и с удовольствием от встречи с живым, увлечённым собеседником.

В русском издании мы стремились сохранить содержание, последовательность изложения и наставительный голос автора. Современная шахматная нотация и диаграммы помогают следить за старинными описаниями ходов. Особые правила XVI века и неоднозначные места объясняются отдельно; редакционные замечания отделены от текста Лопеса. Гравюры воссоздают образы, о которых он рассказывает, а портреты представляют собой художественные реконструкции.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Издание подготовлено с использованием инструментов искусственного интеллекта; при подготовке перевода проводилась сверка с изображениями страниц испанского оригинала 1561 года.

Желаем вам вдумчивого чтения и радости открытий — за доской и за страницами этой книги.

Титульный лист издания 1561 года

Книга об изобретательности и искусстве игры в шахматы, весьма полезная и благотворная как для желающих впервые научиться этой игре, так и для тех, кто уже умеет играть.

Вновь составлена Руем Лопесом де Сегура, священнослужителем и жителем города Сафры. Посвящена достославному сеньору дону Гарсии де Толедо, воспитателю и главному распорядителю двора светлейшего принца дона Карлоса, нашего господина.

В Алькала, в типографии Андреса де Ангуло. 1561. С привилегией.

Цена установлена в пять бланок за печатный лист.

Королевская привилегия

Король

Поскольку от вас, Руй Лопес, священник, житель города Сафры, нам было представлено, что вы составили книгу под названием «Свободное изобретение шахматной игры», приложив к ней много искусства и труда, и ввиду этого просили нас дать вам дозволение и право, чтобы в течение срока, который будет угоден нашей милости и воле, никто другой, под страхом строгих наказаний, не мог ни печатать, ни продавать её, ни привозить отпечатанной из чужих краёв, кроме вас, названного Руя Лопеса, или лица, которому вы на то дадите полномочие, либо чтобы мы распорядились об этом, как будет угодно нашей милости; и поскольку всё это было рассмотрено членами нашего Совета, а в отношении названной книги исполнена проверка, предписанная недавно изданной нами прагматикой, — было постановлено выдать настоящую нашу грамоту по указанному делу, что мы признали за благо.

Настоящей грамотой даю вам дозволение и право, чтобы вы и лицо, имеющее от вас полномочие, могли печатать названную выше книгу, а также в течение ближайших десяти лет, считая со дня выдачи этой нашей грамоты, печатать и

продавать её. Повелеваю и запрещаю всякому лицу в течение указанных десяти лет без вашего дозволения печатать или продавать её под страхом утраты всех отпечатанных им экземпляров и, сверх того, штрафа в десять тысяч мараведи в пользу нашей казны; с тем условием, чтобы вы продавали каждый печатный лист названного издания по пять бланков и не дороже.

И повелеваю членам моего Совета, председателям и судьям моих аудиенсий, алькальдам и альгвасилам моего дома и двора и канцелярий, а также всем коррехидорам, ассистентам, губернаторам, алькальдам, прочим судьям и должностным лицам всех городов, местечек и селений наших королевств и владений, каждому из них — как занимающим должности ныне, так и тем, кто будет занимать их впредь, — соблюдать и исполнять в отношении вас эту мою грамоту и милость, которую мы вам оказываем, и следить за её соблюдением и исполнением; не поступать и не позволять поступать каким-либо образом против её содержания и формы, под страхом нашей немилости и штрафа в двадцать тысяч мараведи в пользу моей казны.

Дано в Аранхуэсе в последний день месяца февраля тысяча пятьсот шестьдесят первого года.

Я, Король. По повелению Его Величества — Хуан Васкес.

Примечания редакции

Привилегия воспроизведена как исторический документ издания 1561 года. Бланка и мараведи — денежные единицы, названные в оригинале; установленная цена относится к печатному листу. Сокращённое название книги в привилегии отличается от заглавия на титульном листе.

Посвятительное послание

**Руя Лопеса де Сегура — сиятельному
сеньору дону Гарсии де Толедо, воспитателю
и главному майордому светлейшего
принца дона Карлоса, нашего господина.**

Уже давно, сиятельный сеньор, некоторые настойчиво просили меня написать что-нибудь о шахматной игре, чем они могли бы воспользоваться, чтобы хоть в некоторой мере научиться этой столь тонкой игре. Я, однако, не делал этого, да и душа моя не склонялась к такому труду до нынешнего времени, когда многое побудило меня взяться за него. Во-первых, упорные просьбы друзей, которым следует отказывать лишь в немногом, особенно когда они просят справедливого и добродетельного. Во-вторых, нынешнее время показалось мне более подходящим, нежели прежнее: я видел, что весьма многие знатные сеньоры и люди высокого положения предавались этому превосходному роду удовольствия. Третьей же и главной причиной было то, что светлейший принц дон Карлос, чью жизнь да благоволит Господь Бог наш счастливо продлить на многие годы, находил, по-видимому, удовольствие в знакомстве с этой игрой и в на-

блюдении за нею.

И потому к тому, чего прежде я не хотел делать, хотя меня о том весьма просили, теперь легко побудили названные причины. Я постарался составить эту небольшую книгу, посредством которой ничего не знающие могли бы научиться, если пожелают посвятить себя игре, а уже кое-что знающие — извлечь пользу и стать в ней более сведущими.

Ибо, как говорит Туллий во второй книге «Тускуланских бесед»: «*Ut ager quamvis fertilis sine cultura fructuosus esse non potest, sic sine doctrina animus*». То есть как поле, хотя бы и плодородное, без возделывания не может приносить плодов, так и душа — без учения. И он же в первой книге «Об ораторе»: «*Non ignoro et quae bona sunt, fieri meliora posse doctrina*». «Мне не безызвестно, — говорит он, — что хорошее может стать ещё лучше благодаря учению». Поэтому и Исидор во второй книге «Солилоквиев», в главе 41, говорит: «*Excellentior fit natura doctrina*». Природа человека, говорит он, становится лучше и совершеннее благодаря учению.

Если же кто скажет, что этой игре нельзя научить из-за разнообразия её ходов и что нет пользы показывать одни ходы, когда другой игрок делает иные, то отвечаю: после того как желающий изучить это искусство поупражняется в способах игры, описанных и преподанных здесь, его противник тем скорее будет разбит, если не прибегнет к указанным здесь защитами или к лучшим, если сумеет их найти.

Кроме того, если кому-нибудь покажется, что в этой кни-

ге я сказал не всё, что можно было сказать, он не должен ни удивляться тому, ни винить меня, если только не найдёт какой-либо явной ошибки. Да и в таком случае следует отнестись ко мне снисходительно: в пространных трудах люди не могут быть столь же осмотрительны, как в кратких.

Как говорит закон Кодекса в разделе «De veteri iure enucleando», закон первый, параграф «Omnibus auctoribus»: «Potest unius forsitan et deterioris sententia et multos et maiores in aliqua parte superare». То есть суждение одного, хотя бы и менее значительного человека, может в чём-нибудь превзойти суждения многих и более великих. Но за это его не следует считать мудрецом, а других — порицать за то, что в их трудах обнаружился какой-нибудь недостаток.

Ибо, как говорит Гораций в «Поэтическом искусстве»: «Quandoque bonus dormitat Homerus. Verum operi longo fas est obrepere somnum». И добрый Гомер, говорит он, порою дремлет; и в долгом труде, поистине, позволительно порой задремать. Ведь Туллий в первой книге «Об ораторе» говорит: «Non est omnino ars ulla, in qua omnia, quae illa arte effici possunt, a doctore tradantur». Нет такого искусства, в котором учитель мог бы показать всё, что можно сделать посредством этого искусства.

И как говорит Присциан в предисловии: «Nihil ex omni parte perfectum in humanis inventionibus esse posse credo». «Не думаю, — говорит он, — чтобы среди человеческих изобретений могло быть что-нибудь совершенное во всех от-

ношениях». Кассиодор в одиннадцатой книге своих посланий, в главе 2: «Unus satiare non valet omnium vota». Один человек, говорит он, не может удовлетворить всех. Потому и закон Кодекса в разделе «De veteri iure enucleando», закон второй, параграф «Si quid autem», говорит: «Omnium habere memoriam, et penitus in nullo peccare, divinitatis potius quam humanitatis est». Помнить всё и ни в чём не ошибаться — свойство скорее божественное, нежели человеческое.

Но при всём этом никто не может укрыться от завистников. Как говорит Валерий Максим в четвёртой книге, в разделе «De amore et dilectione»: «Nulla tam modesta felicitas est, quae malignantis dentes vitare possit». Нет, говорит он, столь скромного счастья, которое могло бы избежать зубов злобы. И Квинтилиан в двенадцатой из «Декламаций»: «Quo non penetras, improbe livor? Quidve scabrae malignitati clausum est?» Куда не проникаешь ты, бесчестная зависть? Что закрыто от этой грубой злобы? Ибо, как говорит Матвей Вандомский в «Поэтике», во второй и последней части, в главе 4: «Fascinat invidiae spiritus omne bonum». То есть дух зависти сглазом поражает всякое благо.

Поэтому сочиняющие какие-либо труды обыкновенно посвящают их мужам, чья власть может защитить их от завистливых хулителей. Если другие по этой и по иным причинам имеют такой обычай, то я, сиятельный сеньор, с ещё большим основанием должен следовать ему по многим причинам. Одна — моя обязанность за милости, полученные от

Вашего Сиятельства; другая — давняя связь воспитания и службы; третья же и главная — то, что Ваше Сиятельство не только одарены столь высоким происхождением и столь благородной натурой, соединённой со многими исключительными добродетелями, как всем известно, но к тому же столь мудры.

Поэтому под Вашим покровительством я уверен, что более других буду защищён от злобных и завистливых зубов. Ибо тень Вашего Сиятельства будет для этих ядовитых змей тенью тиса, а для меня — баккаром. Потому прошу Ваше Сиятельство принять от меня, давнего слуги и домочадца, этот малый дар, помня, что великим и превосходным душам свойственно, как говаривал Ксеркс Долгорукий, смотреть не на то, велики или малы подносимые вещи, но на душу того, кто их подносит.

Примечания редакции

Туллим автор называет Марка Туллия Цицерона. В заключении сохранено авторское имя «Ксеркс Долгорукий» (Xerxes Longimano); прозвище Долгорукий относится к Артаксерксу I, сыну Ксеркса (Плутарх,

«Артаксеркс», 1.1), поэтому имя и прозвище у Лопеса не совпадают с этой античной атрибуцией. Сходная мысль о ценности расположения дарителя, а не величины дара, приведена Плутархом во вступлении к «Изречениям царей и полководцев» под именем Артаксеркса. Это параллель, а не доказательство непосредственного источника Лопеса. Слова о тисе и баккаре передают растительный образ оригинала: покровительство губительно для хулителей и благотворно для автора. Баккар (basar) сохранён как историческое название растения. Литературная параллель — Вергилий, «Буколики», VII, 27–28: венок из баккара должен защитить поэта от злого языка. Она поясняет образ защиты от хулителей, но не доказывает прямого заимствования у Вергилия и не даёт основания заменять старинное название современным ботаническим видом.

Ссылки на книги и главы сохранены в форме, приведённой Руем Лопесом. Они отражают использованную им традицию цитирования, а не унифицированные ссылки на современные издания. Латинские цитаты оставлены рядом с переводом авторского испанского объяснения. В написании развёрнуты типографские сокращения и упорядочены и/у.

Книга первая

Глава I. О том, что шахматы — игра, основанная на знании, и математическое изобретение

То, что шахматы — игра, основанная на знании, и математическое изобретение, явствует из многого. Во-первых, они основаны на двух свободных искусствах, а именно на геометрии и арифметике. Ведь очевидно, что игра устроена на плоской квадратной поверхности и доведена до полноты числом восемь, которое есть число полное, как известно всякому сколько-нибудь сведущему. Умноженное само на себя, оно даёт произведение и число шестьдесят четыре. Итак, если вообразить плоскую квадратную поверхность, наметить на ней восемь равных рядов по длине и ширине и в каждом из этих рядов поместить восемь мест, или полей, во всём равных друг другу, получится плоская квадратная фигура с шестидесятью четырьмя полями. Таким образом, ясно, что её основание составляют два числа — четыре и восемь, о значении которых многое говорит Макробий в первой книге «О сне Сципиона».

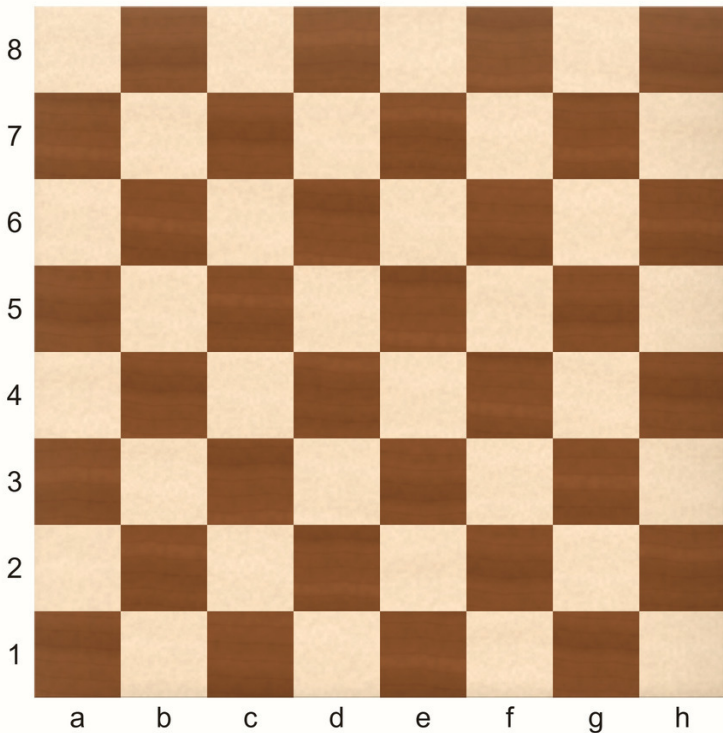

Диаграмма 1. Восемь рядов по восемь полей: 64 поля. Пояснение редакции к описанию доски; координаты добавлены для удобства читателя.

Во-вторых, будучи математическим изобретением, это всецело игра знания, в которой нет ничего от случая: всё в ней основано на доказательстве. Ибо, согласно Аристотелю в первой книге «Большой этики», в главе 27: «Scientia est

eorum, quae sunt cum demonstratione». То есть знание относится к тому, что допускает доказательство. Вся игра основана на наглядном доказательстве, ибо, как говорит Макробий в первой книге «О снe Сципиона»: «Facilior ad intelligendum per oculos via est, quam per sermonem». Это значит, что путь наглядного показа легче для понимания, чем объяснение словами.

В-третьих, чтобы хорошо и в совершенстве овладеть этим искусством, требуется всё то же, что и для других свободных искусств, и даже в более тесном соединении: дарование, память, сила воображения, упражнение и любовь к делу. Хотя многие играют, не соединяя в себе всех этих качеств или не обладая ими хотя бы во время учения, таких людей нельзя по праву назвать искусными в этой игре. Здесь будет то же, что и в прочих искусствах: учёных по имени гораздо больше, чем учёных на деле. Без дарования, как и без памяти, трудно стать сведущим; а кто не видит, что сила воображения необходима, чтобы представлять себе многие замыслы и с помощью ума доводить их до достоверности и совершенства? Чем больше или меньше человек обладает этими качествами, тем более или менее сведущим он сможет стать.

Ибо, как говорит Гуго Сен-Викторский в третьей книге, в главе 4: «Principium a magistro, sed perfectio ab ingenio et exercitatione esse debet». Начало, говорит он, даёт учитель, но совершенство достигается дарованием и упражнением. Поэтому и Саллюстий говорит: «Ubi intenderis ingenium, valet».

То есть ум многое может в том, к чему мы его направляем и к чему питаем склонность.

Память необходима в этой игре, чтобы, как я сказал, удерживать всё, во что мы проникнем силой воображения, и представлять это уму для отделки и совершенствования. Кроме того, в эту игру играют, не глядя на доску, и тут память совершенно необходима. Ибо, как говорит Туллий во второй книге «О природе богов»: «*Nihil est difficilius, quam a consuetudine oculorum aciem mentis abducere*». То есть нет ничего труднее, чем отвлечь остроту ума от привычки видеть глазами. И он же в третьей книге, в главе 4 «Новой риторики»: «*Memoria est firma animi rerum et verborum dispositionis perceptio*». То есть память — твёрдое восприятие душой расположения вещей и слов.

Насколько упражнение необходимо во всех искусствах, думаю, мало кому неизвестно. Ибо, как говорит Вегеций во второй книге «О военном деле», в разделе 24: «*Praesertim cum sit antiqua prudensque sententia, omnes artes in meditatione consistere*». То есть в особенности потому, что древнее и мудрое изречение гласит: все искусства держатся на упражнении. Туллий в третьей книге «Новой риторики», в главе 12: «*Exercitiis disciplina comparatur*». Знание приобретается упражнениями. Он же в главе 13: «*In omni disciplina infirma est artis perceptio sine assiduitate exercitationis*». То есть в любом учении знание искусства мало помогает без постоянного упражнения.

Поэтому Квинтилиан в первой книге «Наставлений» говорит: «*Plus confert exercitatio citra artem, quam ars citra exercitationem*». Упражнение без знания искусства полезнее, чем знание искусства без упражнения. Боэций в первой книге «О школьном учении»: «*Sine usu scientia parum proderit. usus autem sine scientia multum*». Без практики знание мало может, а практика и без знания может многое. Но для большего совершенства следует соединять её с подражанием сведущим людям, то есть упражняться как можно больше с теми, кто искусен в этом деле.

Ибо, как говорит Гальфрид в «Поэтике», в главе 98: «*Rem tria perficiunt: ars, cuius lege regaris; usus, quem serves; meliores, quos imiteris. Ars certos, usus promptos, imitatio reddit artifices aptos: tria concurrentia summos*». То есть три вещи совершенствуют всякое дело: искусство, правилами которого ты руководишься; практика, которой придерживаешься; сведущие люди, которым подражаешь. Искусство даёт уверенность, практика — проворство, подражание делает мастеров умелыми, а все три вместе — превосходными. Многое ещё мог бы я привести, но оставлю это, чтобы не быть излишне пространным там, где того можно избежать.

Любовь к делу весьма необходима для достижения чего бы то ни было, особенно трудного. Благодаря ей человек прилагает заботу, и забота становится лёгкой, а прилежная забота всё доводит до конца. Ибо, как говорит Сенека в седьмой книге посланий, в главе 1: «*Nihil est, quod non expugnet*

pertinax opera, et intenta ac diligens cura». Нет ничего, говорит он, чего не добились бы упорный труд и сосредоточенная, прилежная забота.

Теренций в «Самоистязателе», в главе 17: «Nulla est tam facilis res, quin difficilis fiet, quam invitus facias». Нет столь лёгкого дела, которое не стало бы трудным, если делать его против воли. Поэтому Сенека в «Посланиях к Луцилию», в седьмой книге, в главе 8, говорит: «Da operam, ne quid unquam invitus facias». Старайся, говорит он, никогда ничего не делать против воли. Ибо он же в сочинении «О спокойствии души» говорит: «Male respondent coacta ingenia». То есть умы, принуждённые делать то, что им не по душе, плохо справляются с делом.

Потому и Боэций в четвёртой книге «Утешения», в главе 3, говорит: «Duo sunt, quibus humanorum actuum constat effectus. Voluntas scilicet et potestas. Quorum si alterum desit, nihil est, quod explicari queat». То есть успех человеческих действий определяется двумя вещами: желанием и возможностью; если недостаёт одной из них, ничего нельзя осуществить. Из сказанного ясно, что все названные качества необходимы для овладения этим искусством. Тем самым доказано, что эта игра есть знание и свободное изобретение. Я мог бы привести ещё многое в подтверждение, но ради краткости оставляю это.

Отмечу лишь ещё одно: латинское *calculare* означает вести или производить счёт, а *calculus* — камешек, которым

счётчики пользовались для этой цели. Отсюда латиняне, желая посредством переноса показать, что шахматы — игра расчёта, называли фигуры *calculi*, как явствует из слов Овидия: «*Sive latrocinii sub imagine calculus ibit, fac pereat vitro miles ab hoste tuus*». И Марциал во второй книге своих двустиший: «*Calculus hic gemino discolor hoste perit*». Есть и многие другие свидетельства, которые ради краткости я опускаю.

Примечания редакции

Авторское «число полное» (numero pleno) передано без подмены современным термином «совершенное число». Рассуждение о числах четыре и восемь принадлежит самому Лопесу.

В конце главы Лопес относит латинские слова о настольных играх к шахматам. Это его толкование, сохранённое в переводе. Для двух последних цитат, не снабжённых авторским испанским пояснением, редакция даёт буквальный смысл: Овидий — «Если камешек движется под видом разбойничьей игры, пусть твой воин погибнет от стеклянного врага»;

Марциал — «Здесь камешек другого цвета гибнет от двух врагов». Отождествление античных игр с шахматами не следует принимать за установленный этим переводом факт.

Применены два исправления из авторского списка опечаток: «сила воображения» на обороте первого листа и ссылка на Вегеция на обороте второго листа. В последнем месте раздел 23 исправлен на 24, а начало цитаты и её испанского объяснения дополнены словами «в особенности потому, что...», как требует Лопес. Латинский порядок слов в исправленном начале сохранён по его указанию. Названия, атрибуции и нумерация остальных ссылок переданы по изданию 1561 года. Они отражают историческую традицию цитирования; их нельзя безоговорочно переносить в современные издания. Установленные соответствия и существенные различия указаны в следующих примечаниях.

*«Новая риторика», цитируемая под именем Туллия, — «Риторика к Гереннию», традиционно приписывавшаяся Цицерону (Псевдо-Цицерон). Определение памяти находится в I, 2, 3; два высказывания об упражнении соответствуют III, 22, 36 и III, 24, 40. Формулировка *exercitiis disciplina comparatur* отличается от *exitus disciplina comparantur* в сопоставленном тексте; вариант Лопеса засвидетельствован также в «*Compendium moralium notabilium*», III, 4, рубрика 6. Цитата*

об отвлечении ума от привычного зрительного опыта находится у Цицерона в «О природе богов», II, 45. Высказывание Макробия о наглядности соответствует «Комментарию на Сон Сципиона», I, 21, 3, однако у Лопеса оно дано в переработанной форме, также известной указанному сборнику. Авторские формулировки и исторические ссылки в переводе сохранены.

Изречение о начале учения и достижении совершенства приведено под именем Гуго Сен-Викторского и в «Compendium moralium notabilium», III, 3, рубрика 7. Редакторы цифрового сборника сопоставляют его с «Началами философии» Псевдо-Беды, книга I (Patrologia Latina, т. 90, стб. 1134A); в этом тексте окончание говорит о даровании и занятиях. Это параллель, а не доказательство непосредственного источника Лопеса. Гауффрид — Гальфрид Винсальвский (Geoffrey of Vinsauf); стихи об искусстве, практике и подражании находятся в его «Новой поэтике», строки 1709–1712.

Глава II. О том, что достойная игра и отдых не только дозволены, но и необходимы для сохранения человеческой жизни

Достойные игры не только были и должны быть дозволены, но, сверх того, необходимы для сохранения человека. Ибо, как говорит Аристотель в десятой книге «Этики», в главе 5: «*Omnia habentia corpora non possunt continue operari*». То есть всё, что имеет тело, не может трудиться непрерывно. Поэтому он же в главе 9 говорит: «*Videtur requies et ludus in vita esse necessarium*». Отдых и игра, говорит он, представляются необходимыми в жизни. Ибо он же в восьмой книге «Политики», в главе 1, говорит: «*Laborans indiget requie. Ludus gratia requiei est*». Трудящийся нуждается в отдыхе, а игра существует ради отдыха.

Сенека в сочинении «О спокойствии души»: «*Danda est animis remissio, meliores acrioresque requiete surgunt. Nascitur ex assiduitate laborum animorum hebetatio quaedam et languor*». То есть душам следует давать отдых: после него они восстают лучшими и более сильными, тогда как от непрерывного труда умы и души слабеют и тупеют.

Кассиодор в пятой книге, в главе 10: «*Incerta est vita eorum, qui nimia fatigatione lassantur*». Ненадёжна, говорит

он, жизнь тех, кто изнуряет себя чрезмерным трудом. Поэтому и Овидий в первой книге «Писем с Понта» говорит: «*Otia corpus alunt: animus quoque pascitur illis: immodicus contra carpit utrumque labor*». То есть отдых и честные развлечения питают и поддерживают тело, а вместе с ним успокаивают и освежают душу; чрезмерный же труд, напротив, истощает обоих — и душу, и тело.

Из этого и многого другого, что я мог бы привести, видно: честная и достойная игра полезна для сохранения человеческой жизни, чтобы тела получали облегчение от непрерывных трудов, а души отдыхали и, отдохнув, восставали лучшими, более сильными и острыми. Среди всех игр именно эта по многим причинам подходит для того более других.

Первая причина — она основана на знании и, по-видимому, позволяет избежать недостойной праздности. Как говорит автор книги, именуемой «Фацет»: «*Otia nullus amet, nisi sint coniuncta labori. Nam nimia requie mortificatur homo*». Пусть никто, говорит он, не любит досуга, не соединённого с трудом, ибо чрезмерный покой умерщвляет человека.

Вторая причина: как говорит автор книги «*Formula honestae vitae*», в главе 2, к трудам следует примешивать честные и умеренные игры, не умаляющие достоинства человека. А что может быть честнее и более сообразно достоинству всякого благородного человека? Ведь устройство этой игры есть искусство и знание, в котором столько изящества, умения и благородства.

Третья причина — эта игра дозволена правом и одобрена как превосходная. Те же занятия, которые этого не заслуживают, не следует по праву называть играми, как говорит закон Дигест в предисловии: «*Quis ludos appellat eos, ex quibus crimina oriuntur?*» Кто назовёт играми то, от чего рождаются преступления и проступки? И в разделе «*Ad legem Aquiliam*», закон «*Nam ludus*»: «*Ludus noxius in culpa est*». Вредоносная игра предосудительна.

Четвёртая причина — нам известно, что учёные мужи, великие философы и люди превосходной жизни находили удовольствие в этой игре. Сенека: «*Latrunculis ludimus*». «Мы играем в шахматы», — говорит Сенека. А Валерий Максим рассказывает о Сцеволе, превосходном муже и великом правоведе: «*Calculis interdum vacasse dicitur, cum bene ac diu iura civium caeremoniasque deorum ordinasset*». Говорят, объясняет Валерий, что Сцевола порою играл в шахматы после того, как долго и исправно занимался устройением гражданских прав и обрядов богов.

Из этих и других свидетельств, которые я мог бы привести, явствует, что среди достойных и честных игр, дозволенных и необходимых, эта — лучшая и наиболее подобающая. Потому и склонилась моя душа к составлению этого трактата об игре, то есть об этом свободном изобретении.

И ей не вредит то, что она зовётся игрой, ибо слово *ludus*, означающее игру, употребительно и в свободных искусстваах. Так, занятия словесностью мы называем *ludum*

litterarium, равно как и отдельные науки — например, ludum grammaticum и тому подобное. Не задерживаясь на этом, желающих узнать подробнее отсылаю к латинским словарям, где об этом говорится: к «Рогу изобилия», Калепино и другим.

Примечания редакции

«Мы играем в шахматы» — перевод испанского объяснения самого Лопеса. В латинской цитате стоит latrunculi; здесь сохранено авторское отождествление игр. То же относится к рассказу о Сцеволе. Называя шахматы дозволенными правом, автор передаёт правовые представления своего времени.

«Фацет» передаёт латинское название Facetus: приведённое двуступище засвидетельствовано под этим заглавием, в частности, в описании рукописи Ватиканской библиотеки Patetta 309, лист 40. «Formula honestae vitae» — название правоучительного сочинения, известного также как «Formula vitae honestae» и связываемого с Мартином Брагским; порядок слов и номер главы здесь оставлены по

Лопесу. Под «Рогом изобилия» в контексте латинских словарей, вероятно, имеется в виду «Cornucopiae» Никколо Перотти, комментарий к латинскому языку. Конкретные печатные издания этих книг Лопес в данном месте не указывает, поэтому они ему не приписываются. Ludus в заключении главы рассматривается одновременно как название игры и учебных занятий.

Глава III. В которой объясняется, кто был изобретателем этой игры

Кто первым открыл это столь тонкое изобретение игры, у авторов определённо не установлено, ибо мнения об этом различны. Одни говорят, что изобретателями были мавры, поскольку у них игра была весьма распространена и употребительна донныне; говорят также, что они играют по памяти во время ходьбы. Но для доказательства нет надёжного свидетельства: это неверно, и известно, что игра существовала задолго до появления мавров.

Другие говорят, будто её изобрели два греческих брата по имени Лид и Тиррен: страдая от великого голода, они устроили эту игру, чтобы проводить время, не так сильно ощущая голод. Так рассказывает Дамиано в своей книге; но это басня или сон. Ибо их отец Атис был вынужден разделить свой народ из-за бесплодия земли и голода, от которых тот страдал. Бросили жребий, которому из двух сыновей остаться на родине, а которому отправиться заселять другие края. Лиду выпало остаться наследником царства, а Тиррену — уйти, взяв с собой большую часть людей. Он прибыл в Италию и заселил область, называвшуюся Тирренией, а ныне — Тосканой.

Лид и Тиррен перед Атисом. Редакционная гравюра по рассказу Лопеса.

Другие, более авторитетные мужи утверждают, что игру изобрёл грек Паламед во время осады Трои: он был человеком искусным и открыл многие вещи. Сервий, толкователь Вергилия, говорит, что он изобрёл игровую доску — *tabula lusoria*, иначе называемую *latruncularia*, по фигурам, которые римляне, как мы далее скажем, именовали *latrunculi*. На этой игровой доске играли в шахматы и в то, что мы называем «таблами»: с одной стороны — в одну игру, с другой — в другую, как и ныне можно видеть в Кастилии и Португалии.

Того же мнения придерживается Франческо Филельфо, учёный муж нашего времени. Что *tabula lusoria* и *latruncularia*

— одно и то же, утверждают автор «Рога изобилия», Калепино и многие другие. Это подтверждается и авторитетом поэта Марциала: во второй книге своих двустиший, преподнося игровую доску для табл и шахмат, он озаглавливает стихотворение «Tabula lusoria», а затем описывает её назначение словами: «Hic mihi bis seno numeratur tessera puncto: calculus hic gemino discolor hoste perit». То есть на этой доске можно играть в таблы и в шахматы. Это мнение кажется не чуждым истине, но согласным с нею, ибо игра есть военное изобретение, как мы скажем далее.

Автор «Хроники веков», Иаков де Цессолис и многие другие утверждают, что её изобрёл восточный философ, именуемый у халдеев Ксерксом, а у греков — Филометором, что означает «Mensurae vel iustitiae amator» — любитель меры или справедливости. О нём мы поговорим далее, когда будем рассматривать причину изобретения этой игры. Теперь же скажем, когда и где её изобрели.

Примечания редакции

Эта и следующая главы воспроизводят

исторические представления и предания, изложенные Руем Лопесом в XVI веке. Его спор с Дамиано, рассказы о Паламеде и вавилонском философе переданы без замены современным историческим очерком. Авторское объяснение греческого имени Филометор также сохранено как часть источника, а не как проверенная этимология.

«Таблы» передают испанское tablas — название игры на доске, которую автор отличает от шахмат. Латинское двуступище Марциала сохранено, а вслед за ним дано именно краткое испанское толкование Лопеса. Буквальный перевод цитаты редакцией: «Здесь кость отсчитывает мне дважды шесть очков; здесь камешек другого цвета гибнет от двух врагов».

Глава IV. В которой объясняется, когда и где была изобретена эта игра

Если следовать мнению, что изобретателем был Паламед, то очевидно, что игру изобрели во время Троянской войны, при осаде Трои, чтобы в дни перемирий воины не предавались порочным занятиям, но постоянно обращались мыслью к военному делу и сохраняли ум живым, упражняя его в тонкостях искусства побеждать врагов.

Паламед за шахматами во время осады Трои. Редакционная гравюра по преданию, изложенному Лопесом.

Но если следовать другому мнению, что изобретателем был философ Ксеркс, надлежит знать: игра была изобретена в городе Вавилоне, когда там царствовал Амилин, по прозванию Эвилмеродах, сын Навуходоносора, — через 3400 лет после сотворения мира, за 560 лет до прихода в мир Христа, Спасителя нашего, и через 600 лет после разрушения Трои. Это было через 192 года после основания Рима, когда в Риме царствовал Сервий Туллий, шестой римский царь, на двадцатом году своего царствования, ибо он царствовал 34 года; в 54-ю олимпиаду, за 235 лет до Александра Великого, через 27 лет после пленения евреев, во времена Иоахина Нери, еврея, отца Салафииля.

И это согласуется с истинной и верной хронографией древних и наиболее достоверных авторов.

Примечания редакции

Все числа, имена и соотношения дат в этой главе сохранены по оригиналу, включая 192 года после основания Рима и 34 года царствования Сервия Туллия. Перед читателем хронология Лопеса, а не современная датировка происхождения шахмат. Напечатанное

Ioachim Neri передано как «Иоахин Нери». Для сопоставления: в Мф. 1:12 отцом Салафшиля назван Иехония, а в Лк. 3:27 — Нирий. Упоминание Иоахина в связи с Эвилмеродахом имеет библейскую параллель в 4 Цар. 25:27 (в иной нумерации — 2 Kings 25:27). Формула Лопеса соединяет имена, напоминающие эти разные места; считать её установленным двойным именем или молча заменять одним из библейских имён оснований нет. Конкретного хронографа Лопес здесь не называет.

Глава V. В которой объясняется причина изобретения этой игры

Следуя мнению, что изобретателем был Ксеркс, говорят, что игра была изобретена по трём причинам. Первая и главная заключалась в желании посредством этого изобретения исправить жестокость и дурную жизнь царя Амилина Эвилмеродаха, исполнить обещание, данное вавилонскому народу, и уберечь собственную жизнь. Ведь если бы философ, как говорится, сразу и безрассудно приступил к обличению, царь велел бы его убить, как уже поступил со многими другими, желавшими его исправить. Поэтому философ сосредоточил на этом все свои мысли и изобрёл эту игру по образу войны, как мы расскажем далее.

Изобретя игру, он стал знакомить с нею многих рыцарей, военачальников и знатных мужей и играть с ними. Она нравилась всем. Однажды, когда они играли, появился царь и, удивившись красоте игры и новизне этой небывалой забавы, захотел присутствовать при ней, желая её выучить. Философ ответил, что царь не сможет выучить игру, если прежде не согласится стать учеником. Царь, желавший научиться, охотно согласился и принял положение ученика.

Тогда философ, увидев, что наступил желанный час, объяснил ему устройство и значение доски и фигур, показывая особенности каждой. Начав с короля, он наставил царя в цар-

ских нравах и во всех добродетелях, которыми должен обладать добрый государь; о некоторых из них мы расскажем далее, в главе о короле. Он показал ему также облик королевы и её нравы и прочее, о чём подробнее будет сказано в своём месте. Так же он по отдельности объяснил все остальные фигуры и пешки, обличая дурную жизнь царя так, словно порицал постороннего человека.

Философ объясняет царю устройство и значение шахмат.
Редакционная гравюра.

Но, как рассказывают, царь понял, что это наставление обращено к нему, хотя за подобные попытки он уже велел предать смерти многих мудрецов. Он приказал философу под страхом лишиться жизни открыть, по какой причине тот

изобрёл игру и по чьему убеждению сделал это. Философ ответил:

«О царь мой и господин! Я желаю видеть твою жизнь славной. Но этого не будет, если ты не станешь любим своим народом и не обретёшь всех добрых добродетелей. Ты должен прежде научиться властвовать над собой, чтобы справедливо и доброжелательно властвовать над остальными. Несправедливо желать повелевать другими тому, кто не может и не умеет повелевать собой. Знай: недаром говорят, что державы, основанные на насилии, не могут быть долговечны.

Потому и все мои заботы были направлены на твоё исправление. Народ просил меня наставить тебя, и я ему это обещал. Но я боялся смерти, видя, что ты велел умертвить многих других мудрецов за то, что они осмелились тебя укорить. В тревоге и мучительных раздумьях я искал способ дружелюбно тебя исправить, сохранить жизнь и исполнить обещание народу. Поглощённый этой великой заботой, я изобрёл игру, чтобы незаметно достичь сказанного и улучшить твою жизнь, делая вид, будто исправляю другого человека. Игра, распространившись среди всех, должна была стать известной тебе, чтобы ты пожелал её выучить; тогда я смог бы в иносказательной форме высказать тебе наставление».

Так этот философ достиг желаемого посредством столь тонкого изобретения, поистине достойного такого плода.

Вторая причина изобретения заключалась в том, чтобы

можно было избегать вредной праздности, которая причиняет великое зло, порождая множество пороков. Поэтому Овидий говорит: «*Ocia si tollas, periere cupidinis arcus*». Это значит: если избежишь пагубной праздности, погибнут луки любви. Квинтилиан говорит: «*Ad omne votum fluente fortuna lascivit ocium*». Это значит: праздность бесстыдно предаётся всему, чего желает, если располагает средствами для этого. Потому и Сенека говорит: «*Ocium sine literis mors est, et hominis vivi sepultura*». Это значит: праздность без книжного учения есть смерть и погребение живого человека.

Третья причина изобретения заключалась в том, что всякий человек от природы желает узнавать и слышать новое. Поэтому Сенека в предисловии к четвёртой книге «*Civilium causarum*» говорит: «*Ad nova homines concurrunt: ad nova conveniunt*». Люди, говорит он, сбегаются к новому и собираются ради нового; словно бы он сказал: к новостям люди спешат со всех ног. А Плиний в «Естественной истории», в книге 12, главе 2, говорит: «*Est natura hominum novitatis avida*». Это значит: человеческая природа жадна до нового. Потому философ сосредоточился в своих размышлениях и изобрёл эту игру, заключающую в себе разнообразные и удивительные соображения. Множеством таких соображений, подобных различных вещей и военных хитростей, которые игра в себе содержит, он снискал известность и славу среди смертных.

Замечание

Игра была устроена по образу войны, чтобы показать царю, как необходимо беречь своих подданных и граждан. Даже если в мирное время ему казалось, что во многих из них он мало нуждается, следовало показать: необходимо удерживать их при себе и управлять ими с любовью и справедливостью, а не с жестокостью, чтобы в час нужды найти их готовыми и послушными, а не враждебными и мятежными. Ибо, как говорит Макробий в книге 2, главе 18: «Necesse est multos timeat, quem multi timent». Это значит: неизбежно должен бояться многих тот, кого многие боятся.

И как говорит Исидор в «Sinonima soliloquiorum», книга 2, глава 45: «Subiecti plus te revereantur, quam metuant: plus tibi officio dilectionis, quam conditionis necessitate adhaereant». Это значит: пусть подданные больше тебя почитают, чем боятся, и больше привязываются к тебе служением любви, чем необходимостью подчиняться. Там же он говорит: «Talem te redde subiectis, ut magis ameris, quam timearis». Покажи себя таким и так обходись со своими подданными, чтобы тебя больше любили, чем боялись.

И всё это было устроено по подобию войны, ибо, как говорит Вегеций в третьей книге «De re militari», глава 10: «Quis ait artem bellicam rebus omnibus esse potiore? Per quam libertas retinetur, et dignitas provinciae propagatur: conservatur

imperiū». Кто сомневается, говорит он, что военное искусство превосходит все остальные занятия? Благодаря ему сохраняется свобода, возвышается достоинство страны и сохраняется держава.

Поэтому царю, если он хочет сохранить себя и своё царство, не подобает быть жестоким. Как говорит Сенека: «Nemo potest terribilis esse secure». Никто, внушающий ужас, не может пребывать в безопасности. И как сказано в «Екклесиастике», глава 8: «Noli esse sicut leo in domo tua evertens domesticos tuos, et opprimens subiectos tibi». Не будь в своём доме подобен льву, разоряя своих домашних и угнетая подчинённых тебе. Много других примеров я опускаю ради краткости.

Примечания редакции

Рассказ о философе и вавилонском царе продолжает изложенную в предыдущих главах легенду. Король и королева здесь одновременно обозначают фигуры и государей; аллегорический смысл требует сохранить слово «королева», хотя современное русское

название шахматной фигуры — «ферзь».

В латинском начале цитаты из Вегеция учтено исправление самого издания: на листе 9 оборот, строка 6, вместо «*Quis dubitat*» велено читать «*Quis ait*». Испанское толкование «Кто сомневается...» автор при этом не исправил. Расхождение между латинским текстом и толкованием сохранено.

Названия сочинений, номера книг и глав, а также приписывание изречений в основном тексте переданы по Лопесу. Строка Овидия о праздности находится в «Лекарстве от любви», стих 139; изречение Сенеки о досуге без чтения — в «Нравственных письмах к Луцилию», 82, 3. Слова, приведённые под именем Квинтилиана, соответствуют «Большим декламациям» Псевдо-Квинтилиана, III, 12. Высказывание Плиния о стремлении к новизне находится в «Естественной истории», XII, 5, 11; указание главы 2 оставлено по Лопесу. «Екклесиастик» — латинское название книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Цитата о льве в собственном доме соответствует 4:35 по нумерации *Nova Vulgata*, хотя у Лопеса указана глава 8. Остальные особенности цитирования пояснены ниже.

Civilium causarum — старое обозначение риторических декламаций Сенеки Старшего, здесь его «Контroversий», IV, предисловие, 1. В сопоставленном латинском тексте противопоставлены стремление к

новому и равнодушие к известному: *ad nova homines concurrunt, ad nota non veniunt*. У Лопеса вторая часть звучит иначе — *ad nova conveniunt*, «собираются ради нового». Такое же чтение есть в «*Compendium moralium notabilium*», I, 3, рубрика 16, где название дано как *declamationum seu civilium causarum*. В переводе сохранены цитата Лопеса и его испанское объяснение; совпадение со сборником не доказывает непосредственного заимствования.

Изречение о страхе правителя у Макробия находится в «Сатурналиях», II, 7, 4 (нумерация издания Дж. Уиллиса); старое указание II, 18, приведённое Лопесом, засвидетельствовано и в «*Compendium moralium notabilium*», IV, 3, рубрика 8. Цитаты Исидора о любви подданных соответствуют «Синонимам», II, 76b; в том же сборнике они имеют старую ссылку II, 45. Слова Сенеки о невозможности безопасно внушать ужас соответствуют «Нравственным письмам к Луцилию», 105, 4: в сопоставленном тексте стоит *potuit* («мог»), у Лопеса — *potest* («может»). Авторская форма сохранена. Эти указания помогают найти цитаты, не заменяя историческую нумерацию в тексте Лопеса.

Глава VI. В которой говорится, почему шахматных полей стало шестьдесят четыре, доска — квадратной, а бортики — высокими

Объясняя это, Иаков де Цессолис говорит, что на доске стало шестьдесят четыре поля и она получила квадратную форму потому, что философ, изобретатель этой игры, пожелал изобразить устройством доски город Вавилон, подобно тому как фигурами изобразил царя и всех знатных и незнатных его жителей. Этот город был весьма обширен и имел квадратную форму: каждая его сторона насчитывала шестнадцать тысяч шагов. Взятые по четырём сторонам, составляющим квадрат, они увеличиваются до шестидесяти четырёх тысяч. Таким образом, Вавилон по четырём сторонам имел шестьдесят четыре тысячи шагов по числу и мере.

Он говорит, что это подтверждается свидетельством святого Иоанна. Но я не нахожу, чтобы святой Иоанн говорил это о Вавилоне: он говорит об Иерусалиме, притом не более чем о двенадцати тысячах шагов по каждой стороне. Поэтому я полагаю, что философ скорее имел в виду свойства числа восемь, на котором основал это изобретение, как мы уже сказали в первой главе, чем город Вавилон. Ведь это число, умноженное само на себя — восемь раз по восемь, — да-

ёт шестьдесят четыре; и это число составляет совершенный квадрат, как мы выше сказали со ссылкой на Макробия.

Кроме того, доска изображает поле, на котором два царя сходятся, чтобы дать друг другу сражение, а не город. По-видимому, изобретатель имел в виду квадратное построение войска, весьма полезное, как показывает Вегеций в первой книге «*De re militari*», раздел 26: «*Tercio praecipendum est, ut quadrata acie repente constituent, et cetera*». В-третьих, говорит он, следует приказывать солдатам быстро образовывать квадратное построение и выстраивать в него войско.

Высокие бортики доски, по словам того же Иакова де Цесолиса, изображают стену названного города, чрезвычайно высокую ради его достоинства и красоты, а также безопасности его жителей. Но мне кажется, что они скорее изображают окопы и укрепления двух военных лагерей, чем городские стены. Как войска находятся в большей безопасности под защитой своих укреплений, так и фигуры мы лучше удерживаем высокими бортиками, чтобы они не падали с доски. Это изображает лагерь, со всех сторон ограждённые и укреплённые; там же, где выходят на стычку, остаётся проход, словно открывают ворота, через которые обе стороны выходят на сражение.

Примечания редакции

Лопес не просто пересказывает Цессолиса, но прямо возражает ему: вместо города он видит в доске поле сражения. Числа и единицы расстояния в рассуждении об Иоанне сохранены по автору; это не современный пересчёт библейского текста.

В цитате из Вегеция добавлено «est» по авторскому списку исправлений: лист 10 оборот, строка 4. Высокие бортики — описанная в источнике особенность самой доски, а не дополнительный ряд игровых полей.

Глава VII. В которой говорится, что означают тридцать два пустых поля доски

Тридцать два поля доски, говорит тот же Иаков де Цессолис, остаются пустыми потому, что всякому, кто берёт на себя руководство людьми и управление ими, следует не только устроить им город и государство, где они будут жить, но и приобрести достаточно земель и владений — как для жилья, так и для обработки, — чтобы люди могли поддерживать свою жизнь и служить своему царю. Царства и земли без пространств, где можно добывать пропитание и расширяться, правильнее называть пристанищами разбойников, чем царствами. Поэтому свободные поля, или части доски, изображают пределы и простор этого города.

Но и здесь, как в остальном, он недостаточно вник в дело: как я уже сказал, здесь изображён не город, а поле с двумя войсками. Одна его часть занята людьми обеих сторон, другая свободна, чтобы было куда выходить для стычек. Пустых полей оставлено столько же по двум причинам. Во-первых, будь их больше или меньше, квадрат не мог бы составиться.

Во-вторых, с обеих сторон имеется и выстраивается одинаковое число пешек, которые могут выходить и занимать эти поля. Чтобы они не отнимали пространство у остальных

фигур, было необходимо разрешить им при первом ходе проходить три поля: тогда позади них оставались бы другие три поля, через которые могли бы выходить на сражение фигуры, то есть, так сказать, главная конница. (*Современная запись: например, e2–e4 или e7–e5: три поля считаются вместе с исходным. Позади пешки на e4 остаются e1, e2 и e3; у пешки на e5 — e8, e7 и e6. Это пояснение правила, а не последовательность ходов из партии.*)

При этом обзор противнику должен был оставаться закрытым, чтобы он не мог видеть, что делает или намерено сделать другое войско, как показывает Вегеций в третьей книге «De re militari», раздел 14, говоря:

«Singuli autem armati in directum ternos pedes inter se occupare consueverunt, hoc est, in mille passibus mille sexcenti sexaginta sex pedites ordinantur in longis, ut nec acies interluceat, et spatium sit arma tractandi: inter ordinem autem, et ordinem a tergo illatum sex pedes distare voluerunt: ut haberent spacium pugnantes accedendi, atque recedendi. Vehementius enim cum saltu, et cursu tela mittuntur».

Это значит: каждому воину в бою обычно отводится три фута пространства. А именно, на расстоянии тысячи шагов выстраиваются в длину тысяча шестьсот шестьдесят шесть пехотинцев, то есть, как мы говорим, в шеренгах. Они стоят так, чтобы сквозь промежутки не открывалось войско и чтобы у них оставалось место и пространство владеть оружием и пользоваться им. Между передней шеренгой и той,

что остаётся позади, установили расстояние в шесть футов, чтобы у сражающихся было пространство приближаться и отступать: ведь метательное оружие бросают с большей силой, делая прыжок и разбег.

Примечания редакции

Старинное «пройти три поля» передано буквально и пояснено современной записью. В это число входит поле, на котором пешика стояла до хода; само перемещение составляет два поля. Приведённые координаты — редакционный пример. Сравнение пешек с заслоном относится к военной аллегории автора.

В цитате из Вегеция и в её русском толковании применена поправка издания к листу 11 оборот, строкам 7 и 16: слова о 1666 пехотинцах соединены в одно предложение, «in locis» заменено на «in longis», а построение уточнено как расположение в длину, в шеренгах. Остальные особенности латинской цитаты переданы по источнику.

Глава VIII. В которой объясняются общие названия шахмат и то, как назывались игровые фигуры

Словом «axedrez» называют доску, образованную восемью рядами, о которых мы говорили выше, с находящимися в них шестьюдесятью четырьмя полями. У испанцев она называется «axedrez», как говорят некоторые, от имени Ксеркса, философа, который её изобрёл. Слово было заимствовано и искажено: буквы переставили, а вместо s поставили d, если писать имя «Xerses», как делают одни; по написанию других, «Xerxes», буква d заменила x. Желая сказать «a Xerses deductum vocabulum», причём «Xerses» здесь берётся как само слово, то есть «слово, произведённое и выведенное из имени Xerses», его исказили и стали говорить «axedres».

Итальянцы называют доску «scacherio», образуя слово на латинский лад. Ведь «scacherio» значит не что иное, как вместилище для «scachos», где эти фигуры обычно выстраивают и размещают. Я полагаю, что это происходит от латинского «calculus». Как говорит Калепино, то, что латиняне называют «calculus», позднейшие авторы называют «scachus». Ведь, как мы сейчас скажем, «calculus» происходит от глагола «calculo», означающего «считать». Поэтому некоторые говорят, что «scacho» — собственно венецианское слово,

означающее камешек для счёта, по подобию счётных камешков, которыми пользовались в древности. Отсюда у венецианцев «scisar» означает считать шахматным счётом, как можно увидеть у современных авторов по арифметике.

У латинян доска называется «*tabula latruncularia*», игра — «*ludus latruncularius*», или «*latronum ludus*», а фигуры — «*latrones*», в уменьшительной форме «*latrunculos*». Поскольку эта игра — военное изобретение, фигурам дали такие имена. Они означают «разбойники» или «маленькие разбойники», ибо кажется, что фигуры так и ходят, подобно разбойникам, устраивая засады, чтобы одолеть врагов. Ведь дело воинов — устраивать засады и нападать на неприятеля, как показывает Вергилий, говоря: «*Convectare iuvat praedas, et vivere raptu*». Он говорит: нам, военным людям, любо приводить добычу из набегов и жить грабежом.

Кроме того, их называют «*calculos*», что по-испански значит «*trebejos*», то есть игровые фигуры; слово происходит от глагола «*calculo, calculas*». Как я уже сказал, в древности считали этими камешками, обозначая ими порядок и результат счёта, чтобы не забыть его и не ошибиться. Тем самым показывают, что это игра расчёта, как мы уже говорили выше.

То, что они назывались именно так, можно подтвердить. Марциал во второй книге двустиший говорит: «*Insidiosorum si ludis bella latronum*». Это значит: если ты играешь в эту игру, подобную войне разбойников, которые устраивают засады. Сенека: «*Latrunculis ludimus*». Мы играем в игру ма-

леньких разбойников.

Овидий: «Sive latrocinii sub imagine calculus ibit: fac pereat vitreo miles ab hoste tuus». Марциал: «Hic mihi bissono numeratur tessera puncto: calculus hic gemino discolor hoste perit».

Я не привожу здесь названий из других стран: это не входит в моё намерение, да и не следовало бы за это братья, поскольку конца такому перечислению не было бы.

Примечания редакции

Происхождение слов изложено как рассуждение самого Лопеса. Формы «axedrez», «axedres», «Xerses», «Xerxes», «scacherio», «scacho» и «scisar» сохранены латиницей, поскольку русская транскрипция скрыла бы его доводы о буквах. Слово «trebejos» обозначает игровые фигуры в широком смысле, включая пешки.

Последние два латинских двуступишия Лопес приводит без испанского толкования. Их буквальный смысл в редакционном переводе: Овидий — «Или если камешек двинется в подобии разбойничьего боя, позволь своему воину погибнуть от стеклянного

врага»; Марциал — «Здесь мне игральную кость считают по двенадцати очкам; здесь камешек другого цвета гибнет от двух врагов». Это свидетельства о названных автором древних играх; они сами по себе не устанавливают тождество их правил шахматным.

Глава IX. В которой объясняются названия отдельных фигур, их облик и расположение

Названий фигур восемь. Самая главная называется королём: от его благополучия или несчастной судьбы зависит выигрыш либо проигрыш партии. Вторая называется королевой, или дамой, а по-итальянски — «dona». (*Современная запись: король — Кр, королева, или дама, — Ф, ферзь. В начальном положении белые Крe1 и Фd1; чёрные Крe8 и Фd8.*)

Те, что стоят непосредственно рядом с этими двумя фигурами, называются слонами: один — королевский слон, другой — слон королевы, или дамы. (*Современная запись: королевский слон — Сf1 у белых и Сf8 у чёрных; ферзевый слон — Сс1 и Сс8.*)

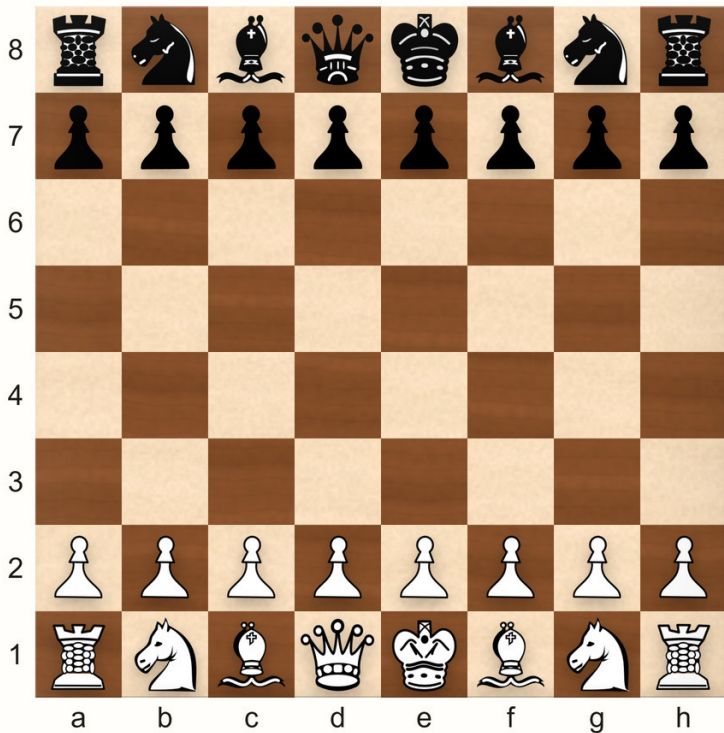
Далее ставят других, одного с одной стороны, другого с другой; они называются конями. Тот, что находится со стороны короля, называется королевским конём, а тот, что со стороны дамы, — конём дамы. (*Современная запись: королевский конь — Кg1 у белых и Кg8 у чёрных; ферзевый конь — Кb1 и Кb8.*)

За ними находятся ещё двое: один со стороны короля, на крайнем поле, и называется королевской ладьёй; другой — на противоположном крайнем поле, со стороны дамы, и на-

зывается ладьёй дамы. (Современная запись: королевская ладья — *Lh1* у белых и *Lh8* у чёрных; ферзевая ладья — *La1* и *La8*.)

Во втором ряду перед этими фигурами стоят ещё восемь игровых фигур, называемых пешками. Каждая именуется пешкой той фигуры, перед которой она расположена. (Современная запись: пешки белых — *a2–h2*, чёрных — *a7–h7*. Королевские пешки — *e2* и *e7*, ферзевые — *d2* и *d7*; пешки королевских слонов — *f2* и *f7*, ферзевых слонов — *c2* и *c7*; пешки королевских коней — *g2* и *g7*, ферзевых коней — *b2* и *b7*; пешки королевских ладей — *h2* и *h7*, ферзевых ладей — *a2* и *a7*. Здесь тире в *a2–h2* и *a7–h7* обозначает ряд полей, а не ход.)

Таковы названия и места каждой из них. Сказанное о фигурах одной стороны относится и к фигурам другой: они различаются только цветом, чтобы можно было узнать, какие принадлежат одной стороне, а какие — другой.

Редакционная диаграмма. Начальная расстановка: короли на e1 и e8, дамы на d1 и d8. Белые фигуры показаны внизу. Правила первого прыжка короля объясняются в следующей главе.

Что касается облика, надлежит знать: ныне у них нет определённой и общей для всех формы, ибо в одних местах их изображают одним образом, в других — другим. Но хотя

фигуры различают некоторыми особенностями очертаний, пешки почти повсюду одинаковы. Везде их делают единообразно: хочу сказать, что одной пешке не придают ничего такого, чего не было бы у другой. А фигуры различаются в зависимости от того, как каждый желает их изготовить. Впрочем, это мало значит, лишь бы было понятно, что есть что; хотя лучше было бы придавать им надлежащий облик, как делали в древности, ради заключённого в них смысла. Но поскольку этого уже не делают — все ищут, что подешевле, — я не стану более на этом задерживаться и перейду к объяснению того, какой облик они имели в древности, посвятив каждой отдельную главу.

Здесь скажу только то, что сообщает Иаков де Цессолис: Ксеркс, изобретатель этой игры, велел изготовить все фигуры из золота и серебра, по человеческому подобию и в человеческом облике. В это вполне можно поверить, ибо такими изображениями он легче мог склонить душу царя к своей цели.

Римляне делали их из стекла или другого блестящего материала, как показывает Овидий, говоря: «Sive latrocinii sub imagine calculus ibit: fac pereat vitreo miles ab hoste tuus». И Марциал сказал: «Vitreo latrone». А в другом месте: «Insidiosorum si ludis bella latronum: gemmeus iste tibi miles et hostis erit». «Gemmeus», то есть прозрачный, будь то из стекла, слоновой кости или алебастра.

Примечания редакции

Пояснения в скобках дают современное русское название, обозначение фигуры и координаты её исходного поля. Королевский и ферзевый фланги определяются по начальной расстановке; последующее перемещение фигуры не меняет её исторического названия. Восемь названий у автора — это король, дама и отдельно названные королевские и ферзевые слоны, кони и ладьи.

Цитата из Овидия повторяет приведённую в предыдущей главе: «Позволь своему воину погибнуть от стеклянного врага». Слова Марциала «Vitreo latrone» означают «стеклянным разбойником»; последующее двустилишие в буквальном редакционном переводе: «Если играешь в войны коварных разбойников, этот воин из драгоценного камня будет тебе и бойцом, и врагом». В оригинале напечатано сокращённое «gēteus», раскрытое здесь как «getteus»; лопесовское пояснение «прозрачный» и перечень материалов сохранены.

Перед последней цитатой Марциала учтено авторское исправление к листу 14, лицевая сторона,

*строка 9: после «en otra» добавлено пропущенное
«parte», то есть «в другом месте».*

Глава X. В которой описываются облик короля, его место и ход

Поскольку король — самая главная фигура, как мы уже сказали, с него и следует начать: в его власти победа либо её противоположность. Его изготовляли так: в человеческом облике, сидящим на царском престоле, облачённым в пурпур, который был царским одеянием, с короной на голове, со скипетром в правой руке и круглым шаром в левой.

Корона на голове изображала достоинство, которым он превосходит всех остальных, ибо царское достоинство — слава народа. Царю подобает, чтобы взоры всех были обращены на него: люди должны следовать по его стопам и повиноваться его повелениям. Как сказано в «Екклесиастике», глава 10: «Qualis est rector civitatis, tales et inhabitantes in ea». Каков правитель города, таковы и его жители.

Пурпур показывает, что царь должен сиять над всеми благородством и добродетелями. Как прекрасная одежда украшает тело, так добродетели украшают разум и душу. Ибо, как говорит Филон в книге Премудрости, глава 6: «Rex sapiens populi stabilimentum est». И как говорит Сенека в трагедии «Фiest», глава 3: «Ubi non est pudor, nec cura iuris, sanctitas, pietas, fides, instabile regnum est». Ибо, как говорит Кассиодор в третьей книге своих писем, глава 12: «Facilius est quippe, si dicere fas est, errare naturam, quam dissimilem sui

princeps possit formare rem publicam».

Скипетр в правой руке изображает скипетр правосудия и строгости, которые он должен одинаково соблюдать по отношению ко всем. Как сказано в «Екклесиастике», глава 19: «Qui potestatem sibi assumit iniuste odietur». Григорий в «Пастырском наставлении», глава 18: «Sit rector bene agentibus per humilitatem socius: contra delinquentium vitia per zelum iustitiae erectus». Саллюстий в «Катилине»: «Labore ac iustitia respublica crescit, et cetera». Кассиодор в четвёртой книге писем, письмо 12: «Semper auget principes observata iusticia».

Но надлежит знать: как милость и истина охраняют царя, так кротость укрепляет его престол. Соломон в Притчах, глава 20: «Misericordia et veritas custodiunt regem, et roboratur clementia thronus eius». Туллий во второй «Филиппике»: «Charitate et benevolentia civium sceptrum oportet esse, non armis».

Шар в левой руке изображает то, что царь должен заботиться об управлении всем царством и добиваться, чтобы как он сам, так и его должностные лица управляли им хорошо и справедливо. Обо всём этом можно было бы привести много ещё, но ради краткости я это опускаю. Таковы изображение и облик короля.

Что касается места, надлежит знать: на доске ему дают четвёртое поле, то есть середину. Это означает, что царю подобает находиться среди своих людей, вершить правосудие и соблюдать справедливость, являя милость и истину оди-

наково ко всем. Как говорит Соломон в Притчах, глава 16: «Non decet principem labium mendax, et cetera». Он должен стараться обходиться со всеми так, как сам желал бы, чтобы государи обходились с ним, будь он подданным. (*Современная запись: исходное поле белого короля — e1, чёрного — e8; это четвёртое поле от королевской ладьи h1 или h8.*)

Ибо, как пишет англичанин Иоанн Солсберийский в «Поликратике», книга 5: «Traianus optimus Imperator arguentibus eum amicis quod in omnes, et ultra quam Imperatorem deceat, communis esset, respondit se talem velle Imperatorem esse privatis, quales imperatores sibi esse privato optasset». Поэтому и сказано в «Екклесиастике», глава 32: «Rectorem te posuerunt, noli extolli, esto in illis, quasi unus ex ipsis».

При первом ходе король обладает ходом всех фигур, если перемещается без принуждения. Принуждением я называю шах: когда король ходит под шахом, он может двигаться лишь с поля на соседнее поле. Но если он перемещается свободно, без шаха, то в первый раз может прыгнуть через три поля каким пожелает способом, найдя свободный путь. При этом он может перескочить через фигуру или пешку — свою либо чужую, — лишь бы не брать ничего у противника: прыжком король брать не может. (*Современная запись: исторический первый прыжок, например Kpe1–g1 или Kpe1–e3, без взятия и без одновременного хода ладьи. Полный перечень девяти полей дан ниже; запись 0–0 здесь не применяется.*)

Почему король не берёт прыжком, хотя все остальные фигуры могут это делать? Можно было бы привести несколько правдоподобных объяснений, но лучше всего сказать: иной причины нет, кроме той, что так пожелал изобретатель игры. Даже если какая-то причина побудила его установить это правило, нам она, полагаю, неизвестна. Как говорит Кассиодор в сочинении «О душе», глава 9: «*Melius est in occultis causis confiteri ignorantiam, quam periculosam assumere fortassis audaciam*». Ибо, как гласит закон Дигест, титул «О законах», закон «*Infra scripta*»: «*Non omnium, quae a maioribus constituta sunt, ratio reddi potest*». И в титуле об Аквилевом законе, закон «*Ita vulneratus*»: «*Multa iure civili contra rationem disputandi pro utilitate comuni recepta sunt*».

Свобода при первом ходе пройти три поля любым способом — как пешка, конь, ладья, слон или дама, вперёд либо в любую сторону по своему ряду, или как конь на любой из двух следующих рядов, или наискось, как слон, через свою либо чужую фигуру или пешку, или как ему угодно, — вся эта свобода дана ему потому, что он король. Ни одной другой фигуре подобного не дозволено.

Следует заметить, что в некоторых частях Италии принято позволять королю первым прыжком пройти весь свой ряд, от своего поля до крайнего поля ладьи, и придвинуть к нему ладью, совершая всё одним ходом. (*Современная запись: описанное итальянское правило: для белых король e1–h1 либо e1–a1 с одновременным переносом соответствующей ладьи*

на соседнее с королём поле. Это отдельный исторический обычай, который Лопес далее отвергает.)

В других местах — не далее трёх полей: от своего поля до поля коня, а со стороны дамы — от своего поля до поля слона, причём соответствующую ладью придвигают к королю, также всё одним ходом. (Современная запись: для белых $Kpe1-g1$ либо $Kpe1-c1$ вместе с перестановкой ладьи рядом с королём. Автор не уточняет здесь, с какой стороны от короля ставится ладья; её конечное поле в запись не добавлено.)

А в иных местах, кроме того, принято одним ходом двинуть любую пешку со второго ряда и поставить короля на поле, где эта пешка прежде стояла. (Современная запись: составной ход по описанному местному правилу: пешка освобождает поле второй горизонтали, король занимает её исходное поле в том же ходе. Конкретная пешка и длина её хода в этом месте не названы.)

Но все эти обычаи нехороши и не согласуются с разумом. Ведь прыжок короля на три поля имеет своё значение, как мы объясним, а при этих злоупотреблениях такого значения быть не могло бы. Поэтому настоящий трактат составлен исходя из того, что подобных способов игры не применяют.

Надлежит также знать: хотя при первом перемещении без шаха король может пользоваться способностями всех фигур, со своего исходного поля в первый раз он имеет девять прыжков. Один — на поле своего коня, другой — на поле

слона своей дамы; оба находятся в его собственном ряду. *(Современная запись: первые два из девяти прыжков белого короля: Kpe1-g1 и Kpe1-c1; чёрного: Кре8-g8 и Кре8-c8.)*

Во втором ряду у него ещё два: один — на поле пешки своего коня, называемое вторым полем своего коня; другой — на поле пешки слона своей дамы, называемое вторым полем слона. *(Современная запись: ещё два прыжка белого короля: Kpe1-g2 и Kpe1-c2; чёрного: Кре8-g7 и Кре8-c7.)*

В третьем ряду он может иметь пять: один — на третье поле своего коня; другой — на третье поле своего слона; ещё один, посередине, — на собственное третье поле; затем — на третье поле своей дамы и на третье поле слона дамы. Всё это понимается при условии, что названные поля свободны и не заняты никакой фигурой или пешкой. *(Современная запись: пять остальных прыжков белого короля с e1: Kpg3, Kpf3, Кре3, Kpd3, Kpc3; чёрного с e8: Kpg6, Kpf6, Кре6, Kpd6, Kpc6. Поле выбранного прыжка должно быть свободно.)*

Это относится к движению прыжком. Без прыжка король со своего исходного поля может ударить лишь в пяти направлениях. Первое — на поле своей дамы. Второе — на поле своего слона. Третье — на второе поле своей дамы. Четвёртое — на собственное второе поле. Пятое — на второе поле своего слона. *(Современная запись: белый Kpe1 атакует d1, f1, d2, e2 и f2; чёрный Кре8 — d8, f8, d7, e7 и f7. Речь о направлениях хода и взятия, а не о возможности взять собственные фигуры начальной расстановки.)*

Но находясь в середине доски, например на собственном четвёртом поле, он ударяет: во-первых, на собственное третье поле; во-вторых, на четвёртое поле неприятельского короля; в-третьих, на третье поле своего слона; в-четвёртых, на четвёртое поле того же слона; в-пятых, на четвёртое поле слона неприятельского короля; в-шестых, на третье поле своей дамы; в-седьмых, на четвёртое поле своей дамы; в-восьмых, на четвёртое поле неприятельской дамы. Так он идёт с поля на соседнее поле оттуда, где находится, прямо, поперёк либо наискось, то есть, как мы сказали бы, по углу. *(Современная запись: для белого Кре4 поля в авторском порядке: e3, e5, f3, f4, f5, d3, d4, d5. Это восемь соседних полей вокруг e4.)*

Этого достаточно о ходе и движении короля. Остаётся отметить лишь одно: почему было установлено, чтобы в первый раз он мог прыгнуть на три поля и не далее? Такой прыжок был установлен, чтобы показать: дозволенное каждой фигуре по отдельности может соединиться в нём одном. А также чтобы показать, что царю подобает обладать совершенством жизни и в самом себе, и по отношению к другим: совершенства, распределённые между остальными, должны быть собраны в нём все вместе. Как говорит Аристотель в первой книге «Политики», глава 8: «Principem quidem perfectam habere oportet moralem virtutem».

Поэтому он воспользовался числом три. Помимо того что оно является религиозным и священным, как свидетельству-

ет вся древность, оно содержит один, два и три, которые вместе составляют шесть — первое совершенное число. Здесь оно означает шесть названных лиц, составляющих совершенное царство, а именно: короля, королеву, рыцарей, наместников, альфилов и простолюдинов. И этого довольно для настоящей главы.

Примечания редакции

В абзаце о пурпуре латинские цитаты не снабжены авторским испанским переводом. Их смысл в редакционном переводе: «Мудрый царь — опора народа»; «Где нет стыда, заботы о праве, святости, благочестия и верности, царство непрочно»; «Скорее, если позволено так сказать, ошибётся природа, чем государь сможет устроить государство, не подобное себе». Приписывание книги Премудрости Филону и номера ссылок переданы по Лопесу.

Смысл латинских свидетельств в абзаце о скипетре: «Кто несправедливо присваивает себе власть, будет ненавидим»; «Пусть правитель по смирению будет товарищем поступающим хорошо,

а ревностью о справедливости восстанет против пороков согрешающих»; «Трудом и справедливостью растёт государство»; «Соблюдаемая справедливость всегда возвышает государей».

Цитата из Притч повторяет мысль предыдущей испанской фразы: милость и истина охраняют царя, кротость укрепляет его престол. Следующая фраза Туллия по тексту Лопеса противопоставляет скипетр, опирающийся на любовь и благоволение граждан, оружие; в оригинале напечатано «sceptrum». «Non decet principem labium mendax» означает: «Не подобают государю лживые уста».

Латинский рассказ о Траяне в редакционном переводе: «Когда друзья упрекали превосходного императора Траяна в том, что он со всеми держится общительно, даже более, чем подобает императору, он ответил, что хочет быть для частных людей таким императором, каких сам желал бы себе, будь частным человеком». Следующая цитата: «Тебя поставили руководителем — не возносись; будь среди них как один из них».

В рассуждении о неизвестной причине правила смысл цитат таков: «В сокрытых причинах лучше признаться в незнании, чем, быть может, принять на себя опасную дерзость»; «Не всему, что установлено предками, можно дать объяснение»; «В гражданском праве многое принято ради общей пользы

вопреки логике рассуждения». Ссылка на Дигесты воспроизводит исторический довод автора.

Особый первый прыжок короля — правило описываемой Лопесом игры. Он отдельно перечисляет девять полей назначения и запрещает взятие при прыжке. Поэтому координатная расшифровка сохраняет движение самого короля и не подменяет его современной рокировкой. Слово «свободный» в начале описания читается вместе с последующим разрешением перескакивать через фигуры и с требованием свободного конечного поля. Здесь не устанавливаются все остальные ограничения прыжка: их следует сверять с дальнейшими правилами автора.

Фраза Аристотеля означает: «Правителю надлежит обладать совершенной нравственной добродетелью». В заключительном перечне «альфилы» сохраняют историческое название фигур, которые в современной игре называются слонами; наместники соответствуют ладьям. Их общественный смысл автор подробнее раскрывает в следующих главах.

Учтены авторские исправления к листу 15, лицевой стороне: «rustodiunt» заменено на «custodiunt», а «significado» — на «significando». К листу 17 учтены «da» → «de» и авторское исправление испанских форм «perfection» и «perfectiones». На русский смысл последних орфографических поправок не влияет.

Глава XI. В которой описываются облик королевы, её место и ход

Облик королевы, которую мы называем дамой, был установлен следующим образом: её изображали прекрасной госпожой, сидящей на царском престоле, с короной на голове, в платье, вышитом парчой, и в мантии с пёстрой отделкой. Корона и царский престол показывают, что она равна королю достоинством и высотой положения, которым надлежит воздавать почести. Ведь слава, честь и венец мужчины — добрая жена, повинующаяся разуму.

Королева на царском престоле — древний облик дамы.
Редакционная гравюра по описанию Лопеса.

Святой Павел, первое послание к Коринфянам, глава 11: «Mulier gloria viri est». В «Екклесиастике», глава 25: «Beatus qui habitat cum muliere sensata». И в главе 26: «Mulieris bonae beatus vir: numerus enim bonorum illius duplex. Gratia super gratiam mulier sancta, et pudorata». В Притчах, глава 12: «Mulier diligens corona est viro suo»; и в главе 14: «Sapiens mulier aedificat domum suam: insipiens extructam quoque destruct manibus». Платон в начале «Менона»: «Decet mulierem domum bene dispensare: salva faciente, quae intrinsecus sunt, et obsequentem esse viro».

Корона и престол также изображают достоинство, которым она превосходит других женщин. Золотое одеяние и мантия с пёстрой отделкой означают телесную и духовную красоту и прочие добрые, сияющие добродетели, которыми она должна быть наделена, чтобы красотой и другими добродетелями удерживать короля, своего мужа, от иных, недозволенных объятий: в этом её главная честь.

Аристотель, первая книга «Нуconomicorum»: «Maximus est honor honestae mulieri si respicit virum suum castum esse in eam, et de nulla alia muliere curare: sed praeter omnes alias propriam et amicam, et fidelem putat eam. Si mulier cognoverit fideliter et iuste virum erga se fore, et ipsa iuste et fideliter erga virum suum erit. Nihil est proprius, nec maius uxori preciosa communicatione et fideli ad virum».

Королева белого короля стоит на белом поле, по его левую руку. Белое поле означает целомудрие и чистоту, которыми она должна обладать наряду с прочими добродетелями. Как гласит закон в «Аутентиках», титул «Quomodo oportet episcopos», параграф «Qui vero eas»: «Pudicitia quam maxime mulieres ornat». *(Современная запись: белый ферзь — Фd1; поле d1 светлое, оно находится слева от белого Кpe1 при взгляде со стороны белых.)*

Положение по левую руку означает две вещи. Во-первых, супружеские объятия, согласно словам Песни Песней: «Leva eius sub capite meo, et dextera illius amplexabitur me, et cetera». Во-вторых, что её защитником является король: идущий по правую руку от нас идёт как наш покровитель и заступник. Это весьма хорошо объясняет Антонио де Лебриха в своей третьей «Quinquagena», толкуя псалом: «Dixit dominus domino meo, sede a dextris meis, et cetera».

Королева чёрного короля стоит на чёрном поле, по правую руку от него. Это нужно для соответствия полей при счёте, согласно порядку доски; подробнее мы объясним это далее, в главе о причине, по которой игроки должны иметь белые поля доски по правую руку. Поскольку она должна стоять рядом с мужем и в середине, как равная участница общих для обоих благ, иначе быть не могло: надлежало соблюсти приличие, чтобы мужчина имел перед собой мужчину, а женщина — женщину. *(Современная запись: чёрный ферзь — Фd8, на тёмном поле, справа от чёрного Кpe8 при взгляде со сто-*

роны чёрных. *Фd1 и Фd8 стоят друг против друга, как Кре1 и Кре8.*)

Тем более что это не лишено значения: чёрное поле рядом с мужем означает, что жена сияет лучами своего мужа, как показывает закон «Аутентик», титул «De consulibus», параграф «Alia vero non decorabitur»: «Uxores coruscantur radiis maritorum». Положение по правую руку означает, что муж чтит её более всякого другого лица в царстве. Отсюда и мы ставим человека, которому хотим оказать честь, по свою правую руку, согласно словам псалма: «Astitit regina a dextris tuis in vestito deaurato circumdata varietate».

Обе королевы поставлены и посажены посреди всех остальных людей. Это изображает также обычай персов считать среднее место на сиденьях и пирах наиболее почётным, чему свидетель Ксенофонт в жизнеописании Кира, царя персов. То же было у нумидийцев, чему свидетель Саллюстий в сочинении о Югурте. Это же обозначил Вергилий в конце первой книги, описывая пир, который Дидона дала Энею: говоря о месте, которое королева заняла как наиболее почётное, он пишет: «Mediamque locavit, et cetera».

Рассказав об облике и месте, остаётся сказать о движении. Королева, или дама, может проходить по всей доске, если путь свободен, прямо и поперёк, как ладья, и брать всё встречное, что пожелает. Кроме того, она ходит наискось, по углу, как слон и как пешка. И наконец, она обладает ходом и взятием всех фигур и пешек, кроме коня. Это сделано, чтобы

она хоть в чём-то отличалась от короля, который имеет ход всех, как мы уже сказали. (Современная запись: *фферзь* — *Ф*; ходит по вертикалям, горизонталям и диагоналям на любое число свободных полей, без прыжков. Например, с *d1* по свободной линии возможны *Фd4*, *Фа4* или *Фh5*. Это отдельные примеры направлений, не последовательность ходов.)

Такое право ей дано по примеру амазонок. Отсюда приводят довод, что изобретателем был Паламед: ведь королева амазонок пришла на помощь Трое и храбро сражалась с греками, как показывает Вергилий в первой книге: «*Penthesilea furens mediis in millibus ardet, bellatrixque audet viris concurrere virgo*».

Но если признать изобретателем Ксеркса, то скажем, что он поместил королеву в эту военную игру, имея в виду древний обычай персидских царей: отправляясь на войну, царь брал с собой жену и наложниц. Так читаем о Дарии, царе тех земель, и о многих других. Это делалось для утешения царя и выражения любви. А поскольку царство весьма заботилось о будущем царе-наследнике, желали, чтобы царь имел жену при себе не только в городе, но и в военном лагере.

Поэтому в начале изобретения этой игры королева ходила лишь с поля на соседнее поле. Для ведения войны в этой игре она была худшей фигурой на доске. Говорят, что мавры соблюдают этот обычай и поныне, давая понять: благородной женщине не подобает много странствовать, особенно в чужих владениях, где легко потерять честь. Так случилось с

Диной, дочерью Иакова, и со многими другими, которых я не называю, чтобы не затягивать рассказ. (*Современная запись: здесь описана старая, ограниченная в движении фигура ферзя — Ф. Конкретное направление её одношагового хода в этом абзаце не названо; полный современный ход ферзя сюда не переносится.*)

Впоследствии игроки, как я уже сказал, увидев королеву выведенной в поле для войны, пожелали сделать её главной фигурой доски после короля. Поэтому следует заботиться о том, чтобы её не потерять: после её потери партию выигрывают редко, а нередко одной её бывает достаточно, чтобы спасти проигранную игру, чего не могут сделать многие другие фигуры. На её стороне поставили столько же фигур и пешек, сколько на стороне короля. Их пожелали называть её именем, чтобы отличать одних от других.

Но надлежит знать: хотя на её стороне столько же людей, сколько у короля, для прорыва неприятельских сил она больше пользуется помощью людей короля. Причина в том, что они ближе к нападению на неприятельского короля, чем её собственные. На этом мы заканчиваем главу о королеве.

Примечания редакции

Смысл латинских цитат в начале главы в редакционном переводе: «Жена — слава мужа»; «Блажен живущий с разумной женой»; «Блажен муж доброй жены: число его благ удваивается; благодать сверх благодати — жена святая и стыдливая»; «Прилежная жена — венец своему мужу»; «Мудрая женищина строит свой дом, неразумная же и построенный разрушает руками»; «Женищине подобает хорошо распоряжаться домом, сохранять находящееся внутри и повиноваться мужу». Неровности латинской формы у Лопеса, в том числе «*destruct*», не исправлены по современным изданиям молча.

Смысл приведённого под именем Аристотеля отрывка: наибольшая честь для достойной жены — видеть верность мужа, который не заботится о другой женищине, а её считает своей, близкой и верной. Зная, что муж будет относиться к ней верно и справедливо, она также будет верна и справедлива к нему. Заключительная фраза возвышает драгоценное и верное супружеское общение. В «*castum esse in eam*» учтено исправление издания: лист 18, лицевая сторона,

строка 8, «т» заменено на «in».

«*Pudicitia quam maxime mulieres ornat*» — «Целомудрие более всего украшает женщин»; слова Песни Песней — «Левая рука его под моей головой, а правая обнимет меня»; начало псалма — «Сказал Господь Господу моему: сиди по правую руку от Меня». Слова о жёнах означают, что они сияют лучами мужей; следующий псалом изображает королеву по правую руку, в золочёном одеянии с пёстрой отделкой. Стороны доски здесь определяются отдельно для каждого из сидящих друг против друга игроков.

«*Mediatque locavit*» — «И поместила себя посередине»; цитата относится к месту Дидоны на пиру. Латинские слова о Пентесилее означают: «Неистовая Пентесилея пылает среди тысяч, и дева-воительница отваживается сражаться с мужами». Рассказ об изобретении шахмат, сопоставления с древними обычаями и нравственные оценки относятся к авторскому изложению.

Глава XII. В которой говорится об облике слонов, их месте и движении

Согласно Иакову де Цессолису, слонов изображали в виде судей, восседающих в кресле, с раскрытой перед глазами книгой. Поскольку одни дела бывают уголовными, а другие представляют собой тяжбы о земном имуществе, в царстве надлежало быть двум судьям. Слон на чёрном поле изображает судью уголовных дел, а слон на белом — судью имущественных тяжб. Обязанность этих слонов — советовать королю и по его повелению устанавливать и составлять законы, необходимые для управления царством.

Судьи уголовных дел и имущественных тяжб — древний облик слонов. Редакционная гравюра по описанию Лопеса.

Ибо, как говорит Соломон в Притчах, глава 11: «*Ubi non est gubernator, populus corrueat. Salus autem ubi multa consilia*». И в «Екклесиастике», глава 37: «*Ante omne actum stabile consilium praecedat te*». И в главе 32: «*Sine consilio nihil facias: et post factum non poenitebis*». И Товия, глава 4: «*Consilium a sapiente semper perquirere*».

На эти должности надлежит выбирать людей мудрых и богобоязненных, чтобы, устранив всякое пристрастие и страсть, они были беспристрастны ко всем. Ибо, как говорит Саллюстий: «*Omnes homines qui de rebus consultant dubiis ab odio, amicitia, ira, atque misericordia vacuos esse decet*».

Haud facile animus verum providet, ubi illa officiuntur». И как говорит Туллий, первая книга «Об обязанностях», глава 19: «*Qui parti civium consulunt, partem negligunt: rem perniciosam in civitate adducunt, seditionem atque discordiam*». Поэтому Кассиодор, первая книга посланий, глава 22, говорит: «*Decet regalis apicis curam generalitatis custodire concordiam*». И как гласит закон Дигест, титул «*De captivis et postliminio reversis*», закон «*Si quis ingenua*», предпоследний параграф: «*Per civiles dissensiones semper respublica laeditur*». Поэтому надлежит, чтобы назначенные для этого люди, как говорит Исидор, «*Sine fuce exhibeant bonitatem*». Многие другое я опускаю ради краткости.

Один помещается рядом с королём, другой — рядом с королевой. Это означает, что государям надлежит всегда иметь возле себя добрых советников, чтобы не делать ничего, что не было бы направлено правильно, согласно словам: «*Sine consilio nihil facias, et post factum non poenitebis*». И согласно Притчам, глава 13: «*Qui cum consilio cuncta agunt, reguntur sapientia*». Ибо, как говорит Туллий в первой книге «*Rhetorica artis veteris*», глава 12: «*Consilium est aliquid faciendi, vel non faciendi, recte excogitata ratio*».

Но хотя на войне совет совершенно необходим, эта игра изображает войну, а не царство, как мы уже сказали выше. После всего этого мы составим особую главу. В ней мы покажем назначение и значение каждой фигуры, весьма отличные от того, что говорим здесь, следуя учению Иакова де

Цессолиса. Впрочем, мы расширяем его мнение и подкрепляем свидетельствами, которых он не приводит: быть может, некоторым читателям понравятся значения, которые он придаёт фигурам и пешкам, о чём мы расскажем и в остальных главах.

Что касается движения этих слонов, то оно идёт наискось, по углу, причём одни не вступают на поля других. Поставленные на белые поля ходят по белым, а поставленные на чёрные — по чёрным. Причина этого, по Иакову де Цессолису, в том, чтобы показать: каждому судье надлежит заниматься вверенным ему делом и не вмешиваться в дело другого, порождая тем самым раздор. Но иное объяснение всему этому мы увидим в особой главе, посвящённой тому, что изображает каждая фигура, поставленная на эту доску, то есть, как если бы мы сказали, в поле, где она ожидает неприятеля для битвы. *(Современная запись: слон — С; ходит по диагоналям и всегда остаётся на полях исходного цвета. Белые Сс1 и Cf1 — соответственно чернопольный и белопольный слоны.)*

Когда путь свободен, слоны могут пройти наискось, по углу, через все доступные им поля, со взятием или без него. Чтобы хорошо понять, куда слон ударяет, рассмотрим его на собственном поле. Если это слон белого короля, то по правую руку он может ударить в двух местах и на двух линиях: на второе поле линии своего коня и на третье поле линии своей ладьи. Если же он пойдёт по левую руку, то от своего

поля может пройти самое большое шесть полей, считая исходное, и шесть линий: свою; второе поле короля; третье — дамы; четвёртое — слона своей дамы, всё это на собственной стороне и в своих пределах; а на чужой стороне — четвёртое поле коня неприятельской дамы и третье поле ладьи неприятельской дамы. *(Современная запись: для белого Cf1 справа — g2, h3; слева — e2, d3, c4, b5, a6. Авторские шесть полей слева включают исходное f1. Все направления предполагают свободный путь.)*

Если же он находится посреди доски, например на четвёртом поле своего короля, то ударяет в четырёх направлениях: в двух — к неприятелю, а в двух других — к своим. К противнику он ударяет по правую руку на четвёртое поле слона, третье поле коня и второе поле ладьи неприятельского короля. По левую руку — на четвёртое поле дамы, третье поле слона, второе поле коня и исходное поле ладьи неприятельской дамы. *(Современная запись: из положения белого Ce4 вперёд вправо: f5, g6, h7; вперёд влево: d5, c6, b7, a8.)*

Обратившись к своим, он ударяет по левую руку на третье поле своей дамы, второе поле слона и исходное поле коня той же дамы. По правую руку — на собственное третье поле, второе поле коня и исходное поле своей ладьи. Если же он окажется в другом месте, считай поле за полем наискось, по углу, и увидишь, куда он может ударить. То же понимается и об остальных слонах. *(Современная запись: из того же положения Ce4 назад влево: d3, c2, b1; назад вправо: f3, g2, h1.*

«Собственное третье поле» здесь означает f3, третье поле исходной вертикали королевского слона.)

Впрочем, в древности, как говорят, они проходили лишь три поля и, если желали, поверх фигуры или пешки, но всегда наискось, по углу. Это называлось старой игрой; так прежде играли в Испании. Отсюда и поговорка: «Не считай слона ничтожным: он берёт на третьем поле». Но это был обычай мавров, и хорошие игроки отвергли его как дурной и не соответствующий собственному значению фигуры, о чём мы ещё скажем. *(Современная запись: старый альфил перемещается по диагонали через одно поле, то есть на два поля от исходного; три поля получаются при включении исходного в счёт. Например, с f1 — на d3 или h3, с возможностью перепрыгнуть промежуточную фигуру. Это историческое правило.)*

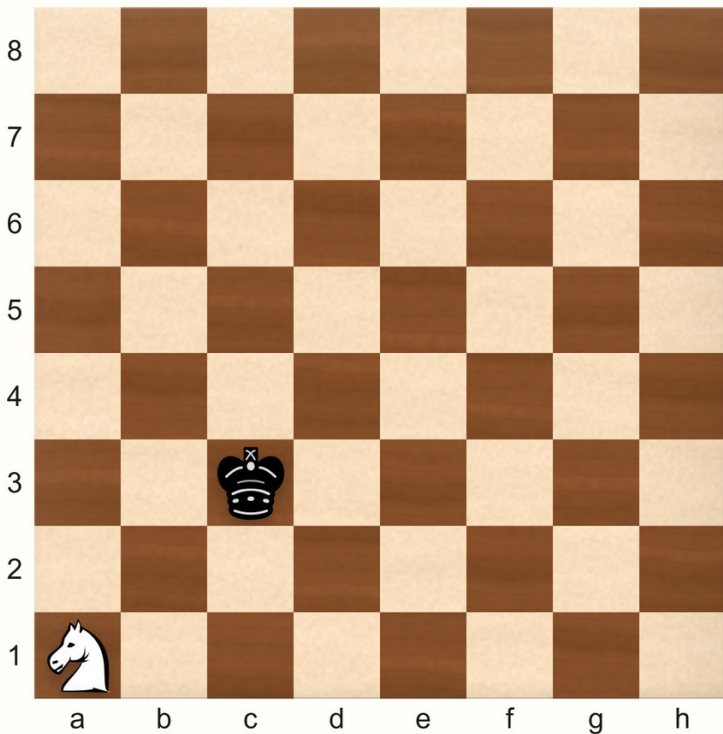
Некоторые спрашивают, какая фигура лучше — слон или конь. Для ответа следует знать, что обычно их считают равными. Однако в зависимости от расположения сил иногда лучше слон, а иногда — конь. Многие люди лучше играют слоном, другие — конём. Но выдающиеся игроки обычно лучше играют слоном, чем конём. И я сам считаю его лучшей фигурой за многие преимущества перед конём.

Первое — двумя слонами можно дать мат, а также слоном и конём, чего нельзя двумя конями. Второе — слон поражает неприятеля с большего расстояния. Третье — слон лучше прикрывает собственного короля от шаха. Прикрывая его,

он может оставаться способен ударить по фигуре, которая дала этот шах; конь же — нет, поскольку, прикрывая короля, не сохраняет возможности ударить неприятельскую фигуру.

Четвёртое — он может связать неприятельскую фигуру или пешку, чего конь не может. Пятое — он лучше защищает свои пешки и лучше защищается ими, чем конь. Шестое — слоном лучше, надёжнее и с большего расстояния нападают на неприятелей, и отвести его от нападения не так легко, как коня. Седьмое — он лучше, чем конь, помогает продвигать свои пешки для нападения на неприятеля и для превращения их в дам. Восьмое — он вместе с ладьёй может выиграть партию против другой ладьи, чего конь не делает.

Девятое — неприятельский король один не может загнать слона и преградить ему бегство, как коню. Например, если застать коня на одном из четырёх исходных полей ладей и поставить короля на третьем поле того слона, который относится к той же ладье, на чьём поле стоит конь, конь не сможет от него ускользнуть. *(Современная запись: пример у угла a1: белый Ka1, чёрный Kрс3; оба выхода коня, b3 и c2, находятся под ударом короля. Соответствующие пары у остальных углов: Kh1 и Kpf3; Ka8 и Kрс6; Kh8 и Kpf6. Это отдельные схемы, без указания остальных фигур.)*

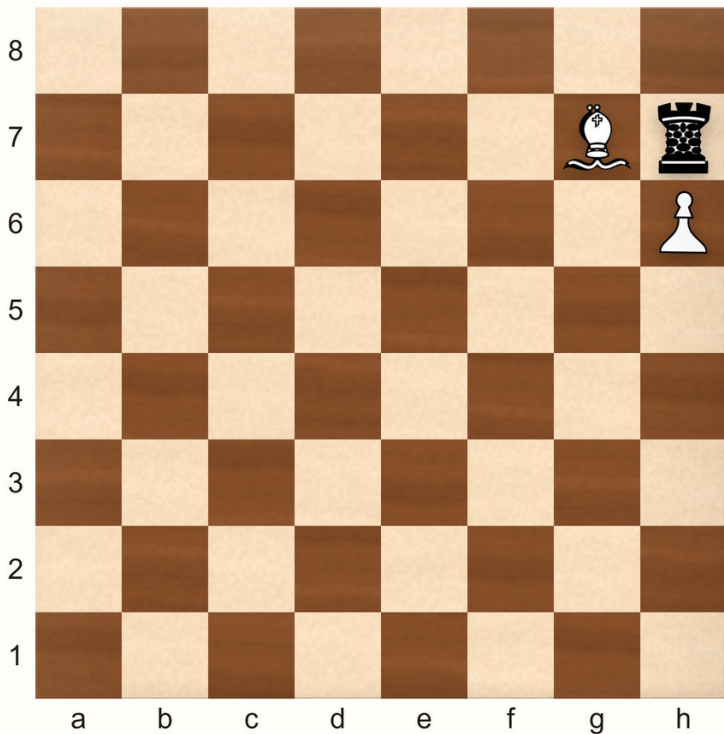

Редакционная диаграмма к девятому доводу: конь a1 и король c3. Показаны только названные фигуры; это неполная позиция.

Десятое — король может провести какую-нибудь пешку из линий ладей в дамы против коня, а против слона — нет.

Одиннадцатое — слон с пешкой может закрыть ладье проход и путь. Например, если слон находится на втором поле

неприятельского коня, а пешка его ладьи поднята до третьего поля неприятельской ладьи и защищает слона, и неприятельская ладья стоит на собственном втором поле, то проход ей закрыт: она не может двинуться иначе, как обменявшись на слона, и так далее. Конь этого сделать не может. (Современная запись: на королевском фланге: белые $Sg7$ и пешка $h6$, чёрная $Lh7$. Пешка $h6$ защищает $Sg7$; слон перекрывает выходы ладьи. Возможен размен $L:g7$, $h:g7$. На ферзевом фланге симметричная схема: $Sb7$, пешка ab и чёрная $La7$. Короли и остальная позиция автором не заданы.)

Редакционная диаграмма к одиннадцатому доводу: Сg7, пешка h6 и чёрная Лh7. Короли и прочие фигуры в исходном примере не заданы.

Есть у него и много других преимуществ, известных хорошим игрокам. Но и у коня имеются некоторые преимущества, которых нет у слона; о них мы скажем в посвящённой ему главе.

Примечания редакции

Смысл первых латинских цитат: «Где нет правителя, народ падёт; спасение же — во многих советах»; «Всякому делу твоему пусть предшествует твёрдое решение»; «Ничего не делай без совета, и после сделанного не расквеешься»; «Всегда ищи совета у мудрого». В третьей цитате исправлено «Sive» на «Sine» по авторскому списку опечаток к листу 20, лицевой стороне, последней строке.

Саллюстий призывает обсуждающих сомнительные дела освободиться от ненависти, дружбы, гнева и жалости: где мешают эти чувства, ум с трудом видит истину. Туллий говорит, что заботящиеся об одной части граждан и пренебрегающие другой приносят государству пагубу — мятеж и раздор. Кассиодор требует от царской власти заботиться о всеобщем согласии; Дигесты напоминают, что гражданские распри всегда вредят государству. Слова Исидора означают: «Пусть проявляют доброту без притворства».

Повторённое «*Sine consilio...*» переведено выше. Следующая цитата означает: «Кто всё делает с советом, управляется мудростью». Определение Туллия: «Совет — верно обдуманное основание для того, чтобы что-либо делать или не делать». Названия и нумерация источников сохранены по Лопесу.

Сравнение слона и коня передаёт доводы Лопеса. Его общие фразы об эндишпилях не следует читать как точную оценку любой современной позиции с названным материалом. В частности, матовая позиция с двумя конями возможна; другое дело — возможность принудить к мату одинокого короля. В четвёртом доводе «*encubrir*» передано как «связать»: речь о преимуществе линейной фигуры. Такое значение подтверждается употреблением в дальнейших разборах: в главе VII об игре без форы слон *b5* связывает коня *c6* с королём *e8*, а ход ... *Cd7* освобождает коня от *encubierto* (лист 77, оборот; страница 176 PDF). Здесь речь о связке по линии действия фигуры.

На листе 23, лицевая сторона, отчётливо напечатано второе поле ладьи — «*su. 2. casa*»; распознанный текст ошибочно даёт первое. Фраза о невозможности хода означает отсутствие безопасного отхода в приведённой схеме, а не отсутствие разрешённых ходов вообще: кроме размена

на слона, ладья может отдаться за пешку или уйти под бой. Диаграмма показывает только названные автором фигуры.

Глава XIII. В которой говорится об облике коней, их месте и движении

В древности, согласно Иакову де Цессолису, того, кого мы в этой игре называем конём, изображали в виде рыцаря верхом на коне, в полном вооружении. Тем самым обозначалась его обязанность: рыцарям свойственно быть хранителями своего народа и царства всегда, а особенно во время войны, чтобы не случилось ничего во вред отечеству и царству. Их ставят двоих: одного со стороны короля, другого со стороны королевы. Это означает, что рыцарям надлежит служить не только королю, но и королеве, поскольку посредством брака она составляет с королём одно целое. Так они выступают справа и слева, окружая короля и королеву подобно венцу.

Вооружённые всадники — древний облик коней. Редакционная гравюра.

Их ставят вслед за слонами, которые, как мы сказали, означают судей и законодателей царства. Это показывает, что рыцари должны ревностно и всеми силами заботиться о тщательном соблюдении справедливых законов. Ибо царское величие должно быть не только прославлено оружием, но и украшено законами: как говорит Аристотель в шестой главе первой книги «Риторики», «*In legibus est salus civitatis*». Это значит: «В законах — спасение города».

Этот рыцарь движется через три поля, не по прямой и не наискось, по углу, а с белого на чёрное и с чёрного на белое, считая три поля от того, на котором стоит. Он проходит лишь

три поля потому, что рыцарю более, чем кому-либо другому, надлежит, насколько возможно, подражать своему королю. А поскольку король при первом ходе проходит лишь три поля, рыцарь также не проходит более, стремясь приобщиться к совершенству своего господина и государя. Именно это обозначает число три, как мы объяснили в главе о короле. *(Современная запись: конь — K; смещение на две клетки по одной оси и на одну по другой, со сменой цвета поля. Например, Kg1–f3. Авторское «три поля» включает исходное поле и не означает три последовательных обычных хода.)*

Со своего поля он может выйти в битву одним из трёх путей: на второе поле своего короля, на третье поле слона или на третье поле своей ладьи, если эти поля свободны, и никак иначе. Таким же образом конь дамы — на второе поле дамы, третье поле её слона или третье поле её ладьи. Как я говорю, они не должны быть заняты своими: если же их занимают неприятели, он может выйти, взяв их, когда это ему выгодно, а иначе — нет. Так рыцарь способен ходить по всей доске, словно по полю, помогая своим и нападая на неприятелей. *(Современная запись: для белых: c g1 — Ke2, Kf3, Kh3; c b1 — Kd2, Kc3, Ka3. Это все возможные направления с исходных полей; занятое своей фигурой поле недоступно, на занятом чужой возможно взятие.)*

Заметим, однако, что эту фигуру трудно удерживать в памяти тем, кто желает играть по памяти. Помимо сказанного о том, что со своего поля она может ударять в трёх местах и по

трём линиям, находясь на одном из полей ладей, она может ударять лишь по двум линиям и на двух полях: на третьем поле линии коня и на втором поле линии слона. Здесь число доступных ей полей наименьшее. (*Современная запись: в углу a1 конь атакует только b3 и c2. Схемы у других углов симметричны; речь о геометрии прыжков, без учёта занятости полей.*)

В других местах он может ударять на четырёх полях, на двух поперечных и четырёх прямых линиях. В иных случаях — на четырёх линиях и четырёх полях; в других — на шести, а в иных — на восьми полях. Но сколько бы полей он ни бил, самое большее он бьёт восемь полей по четырём линиям, а самое меньшее — два поля по двум линиям. Заметим также, что число линий и полей, на которые он ударяет, никогда не бывает нечётным, кроме числа три. Причина в том, что его ход был установлен под этим числом три. Поскольку всё это будет ясно любому игроку, который внимательно рассмотрит все его прыжки, я более на этом не задерживаюсь. (*Современная запись: на свободной доске число полей под ударом коня может быть 2, 3, 4, 6 или 8. Примеры: Ka1 — 2, Kb1 — 3, Kb2 — 4, Kc2 — 6, Kd4 — 8.*)

Заметим, что у этой фигуры есть некоторые особенности, которых нет у других. Одна из них — от её шаха нельзя закрыться, поскольку её ход отличается от ходов остальных фигур. Получив шах от коня, король должен переместиться, если только нельзя с выгодой взять коня какой-нибудь фигу-

рой или пешкой.

Вторая — когда игра стеснена, эта фигура благодаря своим прыжкам лучше способна проникать среди неприятелей и выходить оттуда.

Третья — против коня ладья не может выиграть партию, когда других фигур и пешек нет; против слона же нередко выигрывает, хотя с большим трудом. Исключение составляет итальянский обычай, по которому она также не может выиграть против слона, как мы скажем далее в общих правилах.

Четвёртая — если к концу игры у сторон поровну пешек и у одной стороны остаётся только конь, а у другой — слон, то сторона коня имеет преимущество, когда её пешки стоят на полях, недоступных ударам слона. В подобных окончаниях конь бывает полезнее слона. Есть у него и другие достоинства, которыми каждый игрок сумеет воспользоваться. Но всё же я обычно считаю слона лучшей фигурой, как уже сказал, за исключением описанного окончания.

Примечания редакции

В описании углового положения выражение «en si

linea» — буквально «на своей линии» — относится к линии коня в старой системе названий полей. Для коня на a1 это b3, а поле линии слона — c2. В пояснении дано именно такое координатное чтение.

Суждения о ладье против лёгкой фигуры и об окончании с пешками и лёгкими фигурами сохранены как оценки автора. Упомянутый итальянский обычай принадлежит историческим правилам и обсуждается далее. Эти фразы не заменяют разбора конкретной позиции по современным правилам.

Глава XIV. В которой говорится об облике, месте и движении ладьи

Ладьи — крайние фигуры на углах: одна со стороны короля, другая со стороны королевы, или дамы. Так пишет Иаков де Цессолис, учение которого мы до сих пор излагали и будем излагать, пока не закончим описание всех фигур этих рядов. Как я уже сказал, после мы составим главу, где объясним, что они означают и изображают в этом войске. (*Современная запись: белые ладьи — Lh1 и La1, чёрные — Lh8 и La8; h — королевский фланг, a — ферзевый.*)

Возвращаясь к нашему предмету: согласно названному Иакову, древние, следуя изобретению Ксеркса, изображали ладьи в виде всадников, сидящих на конях без оружия, но в одежде или плаще, подбитом куницей, с простёртым жезлом в правой руке и шапкой наподобие берета на голове. Ими изображали наместников и посланников короля. Ибо, как говорит Кассиодор в десятой книге посланий, глава 6: «Necessarium probatur esse reipublicae personas dignitatibus aptas eligere». Это нужно потому, что король не может лично присутствовать во всех местах, а они могли бы по его повелению управлять и править, и так далее.

Королевские наместники и посланники — древний облик ладей. Редакционная гравюра.

Оставляя, однако, многое, что можно было бы привести о требуемых от них качествах, ради краткости перейду к их месту: оно наиболее удалено от короля. Ведь наместникам и посланникам надлежит находиться там, где король быть не может, и обладать той же царской властью. Подданным короля надлежит им повиноваться, поскольку не повиноваться им — значит не повиноваться королю. Святой евангелист Лука, глава 10: «Qui spernit me, spernit eum, qui me misit». Иоанн в Евангелии, глава 13: «Qui accipit, si quem misero, me accipit, qui autem me accipit, accipit eum, qui me misit».

Но королю надлежит выбирать верных и мудрых послан-

ников, чтобы они управляли верно и мудро. Соломон в Притчах, глава 13: «Legatus fidelis sanitas». Квинтилиан, десятая декламация: «Legatus a praecepto non recedat». Кассиодор, вторая книга посланий, послание 6: «Omnis legatio virum sapientem requirit».

Ладья движется по прямой на одно поле или на много, смотря по тому, свободен ли путь от своих фигур; встретив впереди неприятельскую фигуру, она берёт её, если это ей выгодно. Таким образом, со своего поля она может пройти по всей линии перед собой, а также по всей другой, поперечной линии. Откуда бы она ни двигалась, ей доступны две линии — прямая и поперечная, причём её ход всегда прямой, без движения наискось, по углу. После дамы это самая важная фигура благодаря своему ходу, а также потому, что она одна со своим королём может дать мат, чего ни одна из прочих фигур в одиночку сделать не может, кроме дамы. (*Современная запись: ладья — Л; ходит по вертикали или горизонтали на любое число свободных полей. Например, с a1 по свободным линиям возможны Ла4 или Лd1. При взятии останавливается на поле взятой фигуры.*)

Ладьи последними выходят из ряда короля. По Иакову, это означает, что власть наместников и посланников не имеет силы, пока они не начнут её осуществлять. Поэтому они с основанием пребывают словно в царском дворце, ещё не исполняя посольского поручения. Но как только им освобождают путь благородные, то есть фигуры, или простолюдины,

то есть пешки, они могут вполне пользоваться своей властью. Этого достаточно о фигурах. Теперь перейдём к пешкам.

Примечания редакции

В печатном заголовке на листе 25, лицевая сторона, ошибочно повторён номер XIII. Здесь восстановлен номер XIV по последовательности: перед ним глава XIII о конях, после него — глава XV о пешках.

Первая цитата Кассиодора означает: «Для государства необходимо выбирать людей, подходящих к должностям». Евангельские слова: «Отвергающий Меня отвергает Пославшего Меня»; «Принимающий того, кого Я пошлю, принимает Меня; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня». Заключительные изречения: «Верный посланник — исцеление»; «Пусть посланник не отступает от поручения»; «Всякое посольство требует мудрого мужа».

Глава XV. В которой говорится об общем движении и месте пешек

Все пешки, поставленные на этой доске, то есть в царстве, согласно Иакову де Цессолису, означают простолюдинов и ремесленников, без которых царство не могло бы быть хорошо устроено. Ибо, как говорит Аристотель во второй книге «Политики», глава 5: «*Omnis civitas indiget artificibus*». Движение у всех этих пешек как у простого люда одинаково, хотя для одного дела одни лучше и сильнее других, как мы скажем далее.

Простолюдины и ремесленники, изображаемые пешками. Редакционная гравюра.

Итак, как я говорю, движение у них одинаково: по прямой на одно или два поля, не считая исходного, первым ходом, если пешка ещё не двигалась. Но, двинувшись однажды, они могут идти только с поля на соседнее поле, пока не дойдут до последнего неприятельского поля. Прибыв туда, своей доблестью они приобретают силу и имя дам — то есть, как если бы мы сказали, заслуживают назначения главными военачальниками в войске, и так далее. (*Современная запись: белая пешка e2 первым ходом может пойти e3 или e4, чёрная e7 — e6 или e5, если путь свободен. Затем пешка идёт только на одно поле вперёд. Превращение, описанное здесь: например, e7—e8Ф для белых или e2—e1Ф для чёрных; это отдельные примеры, не одна партия.*)

Пока они не сделались дамами, назад возвращаться не могут и должны всегда идти вперёд по своей линии. Исключение — взятие по дороге других пешек или фигур: тогда они выходят из своих линий и переходят в другие. Ведь берут они не по прямой, а наискось, по углу, на одно поле вперёд от того, где находятся. Так пешка даёт королю шах, а иногда, и даже часто, мат. От пешечного шаха королю нельзя закрыться, поскольку между ним и пешкой не может быть поля, на которое можно было бы поставить другую фигуру или пешку. (*Современная запись: белая пешка e4 берёт на d5 или f5: e:d5 либо e:f5; чёрная e5 — на d4 или f4: e:d4 либо e:f4. Вне-*

рѣд по вертикали пешка ходит без взятия, назад не ходит.)

Ей дозволено поражать и убивать не только равных себе, но и всех знатных вплоть до самого короля. Ибо, как говорит автор книги, озаглавленной «Facetus»: «Quenque decet patriam defendere tempore belli». И потому, что каждый по праву может защищаться, согласно закону Дигест, титул «De iustitia et iure», закон 3: «Hoc iure evenit, ut quod quisque ob tutelam sui corporis fecerit, iure fecisse existimetur». И в титуле об Аквилиевом законе, закон 3: «Adversus periculum naturalis ratio permittit se defendere». И в титуле «De bonis eorum qui ante sententiam», закон 1: «Ignoscendum est his, qui sanguinem suum qualitercumque redemptum voluerunt». И в титуле о Корнелиевом законе об убийцах, закон «Si quis percussorem»: «Defensor propriae salutis videtur nullo pecasse». И в титуле об Аквилиевом законе, закон «Sciam», предпоследний параграф: «Vim vi repellere omnes leges, omniaque iura permittunt».

Они ударяют следующим образом. Пешка королевской ладьи — на третье поле коня. Пешка коня — на третье поле той же ладьи и третье поле слона. Пешка слона — на третье поле коня и третье поле короля. Пешка короля — на третье поле слона и третье поле дамы. (*Современная запись: для белых с исходных полей: h2 атакует g3; g2 — h3 и f3; f2 — g3 и e3; e2 — f3 и d3.*)

Пешка дамы — на третье поле короля и третье поле слона. Пешка слона — на третье поле дамы и третье поле ко-

ня. Пешка коня — на третье поле слона и третье поле ладьи. Пешка ладьи — на третье поле коня, и никуда более. *(Современная запись: для белых с исходных полей: d2 атакует e3 и c3; c2 — d3 и b3; b2 — c3 и a3; a2 — b3. Для чёрных направления зеркальны: со седьмой горизонтали на шестую.)*

Поэтому, не имея той силы удара, какая есть у остальных, ладейные пешки у некоторых получили название полупешек. Но это неверно: покинув свою линию, что случается с ними весьма часто, они бьют так же, как прочие. Их, правда, можно назвать пешками меньшей силы — словно людей, обладающих меньшей властью, чем другие. Но от этого они не перестают быть полноценными людьми: необходимо, чтобы не все были равны. Для каких же дел в этом войске одни пешки лучше других, мы скажем в главе о качествах и пользе каждой пешки.

Прежде чем идти далее, следует заметить: в Италии принято позволять пешке проходить через бой. Это относится к её первому прыжку — как для прикрытия короля или любой другой фигуры, так и при ходе без прикрытия. Это допустимо с согласия противника, но не иначе: ведь несправедливо и неразумно говорить, будто кто-либо может свободно пройти через проход, занятый неприятелем, а не на свой страх и риск. То есть, если неприятель желает пропустить её свободно, пусть она проходит. Если же он желает убить или взять её в проходе, он должен иметь возможность это сделать, заботясь как враг более о своей выгоде, чем о чужом благе.

Итак, если ему выгодно пропустить её, он может это сделать; иначе он может взять её на одно поле позади — в том проходе, который держит под своим ударом. Это истинное военное правило соблюдается в Кастилии и Португалии, но не в Италии, где вопреки военному обычаю свободно проходят через проход, которым владеет неприятель. *(Современная запись: обычный пример взятия на проходе: белая пешка e5, чёрная d7; после ...d7–d5 белые могут ответить e:d6, снимая чёрную пешку с d5. Пример добавлен для пояснения; ниже автор отдельно обсуждает спор о защите от шаха.)*

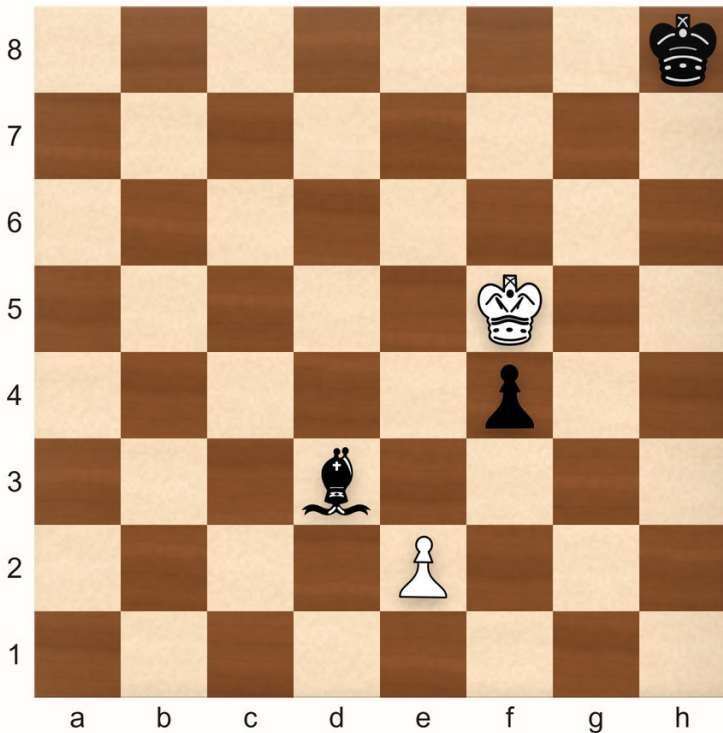
Дамиано в своей книжке об этой игре пишет: «Una pedona non puo passare battaglia de altra pedona quando se da scacho al rey per coprire con essa. Altro modo puo passare se vole el contrario. Et se no puo pigliar la in la via, anchora che meglio saria non potere passare battaglia».

Таковы слова Дамиано, поистине достойные такого учителя. В той мере, в какой он говорит, что пешка может проходить через бой с согласия противника, всё верно. Но почему это не должно распространяться на возможность закрыть ею короля от шаха, я не знаю: ведь противник волен взять её по пути, на одно поле позади, и снова дать тот же шах. А если он не пожелает взять, никакой несправедливости по отношению к нему нет.

Пределы или проходы, занятые нашими неприятелями, мы можем пересечь одним из двух способов: с их согласия, словно по охранной грамоте, или на собственный риск, при-

нимая всё, что случится. Так и пешка, проходящая через бой, идёт на свой риск, поскольку пересекает проход, занятый неприятелем. Посмотрим, сочтёт ли он по каким-либо побуждающим его причинам нужным пропустить её или же захочет взять по пути и не позволит ей идти далее.

Раз дело обстоит так, то, если пешка желает пройти на собственный страх и риск, принимая всё, что с ней может случиться, кто по справедливости отнимет у неё право прохода? Или если король велит ей пройти, рискуя жизнью, потому что это нужно для службы ему и охраны его особы, — что и происходит, когда она проходит, прикрывая короля? Таким образом, это правило Дамиано в данной части, насколько мне известно, не соблюдается ни в какой стране; и я не знаю, где он видел его соблюдение и какое основание имел для установления такого правила. *(Современная запись: редакционный пример: белые Kpf5 и пешка e2; чёрные Kph8, Cd3 и пешка f4. На шах по диагонали d3–e4–f5 белые могут ответить 1. e4; после 1...f:e3+ на проходе тот же слон вновь даёт шах. Оба хода законны и в современной игре. Эта поясняющая позиция составлена редакцией, а не дана Лопесом.)*

Редакционный пример к спору с Дамиано. Белым шах; возможны 1. e4 f:e3+ на проходе. Позиция составлена для пояснения довода, а не воспроизведена из оригинала.

Пешки, которых Ксеркс называл простолюдинами, ставят перед остальными фигурами, то есть, как если бы мы сказали, перед благородными. Во-первых, потому, что простолюдинам и благородным не подобает занимать равное место:

первые должны стоять перед вторыми, готовые к служению и обязанностям, которыми могут им послужить. Ибо, как говорит Туллий в «Тимее»: «Non esset rectum minori parere maiorem».

Во-вторых, им надлежит быть удалёнными от царского совета: не обладая опытом военных дел, какой имеют занимавшиеся ими всю жизнь, пусть они не участвуют в их обсуждении, оставляя совет своим старшим, и будут готовы исполнять приказанное.

В-третьих, на войне простой люд ставят словно щитом перед знатными. Потеря даже многих простолюдинов не столь ощутима, как потеря одного благородного: потеряв благородного в этом войске, победы достичь трудно.

Войско составляется также из этого простого люда не только потому, что, как мы сказали, каждому надлежит во время войны защищать отечество, но и потому, что, будучи обучен, он весьма пригоден к сражению и очень хорошо переносит трудности. Ибо, как говорит Вегеций в первой книге «О военном деле», раздел 3: «Nunquam credo potuisse dubitari aptiorem armis rusticam plebem: quae sub divo et in labore nutritur, solis patiens, umbrae negligens, balneorum nescia, deliciarum ignara, simplicis animi, parvo contenta, duratis ad omnem laborum tolerantiam membris: cui gestare ferrum, fossam ducere, onus ferre consuetudo de iure est». И в разделе 7: «Fabros ferrarios, carpentarios, macellarios, et cervorum, aprorumque venatores convenit sociare militiae».

Но, заканчивая это рассуждение, к которому мы ещё отчасти вернёмся, перейдём к качествам и пользе каждой пешки.

Примечания редакции

«Omnis civitas indiget artificibus» означает: «Каждый город нуждается в ремесленниках». Название «Facetus» вводит изречение о том, что каждому подобает защищать отечество во время войны. Слова о поражении короля принадлежат военной метафоре автора; в шахматном ходе короля с доски не снимают.

Смысл цитат из Дигест: «По этому праву совершённое кем-либо ради защиты своего тела считается совершённым по праву»; «Естественный разум позволяет защищаться от опасности»; «Следует простить тех, кто пожелал любой ценой спасти свою жизнь»; «Защищающий собственную жизнь не считается виновным»; «Все законы и всё право позволяют отражать силу силой». Они приведены как доводы Лопеса в объяснении игры.

Итальянская цитата Дамиано в редакционном переводе: «Пешка не может пройти через бой другой

пешки, когда королю дан шах, чтобы закрыться ею. В другом случае может пройти, если противник пожелает. Если же нет, он может взять её по пути, хотя лучше было бы вовсе не разрешать проходить через бой». Сохранена формулировка, которую цитирует Лопес; её следует отличать от пересказа современных правил.

Довод Лопеса о закрытии шаха согласуется с современной возможностью, показанной в скобках: после 1. e4 король уже не под шахом; взятие 1... f:e3+ создаёт новый шах следующим ходом чёрных. Возможность такого ответа сама по себе не запрещает первый ход. Вывод проверен на указанной позиции и сопоставлен с правилами ФИДЕ, статьи 3.7.2, 3.7.3.1–2 и 3.9.2. Исторические сведения об обычаях стран при этом переданы по автору.

Слова Туллия означают: «Было бы неправильно, чтобы больший повиновался меньшему». Объяснение общественного устройства передаёт исторические взгляды автора.

Первый отрывок Вегеция в редакционном переводе: «Думаю, никогда нельзя было сомневаться, что сельский люд более пригоден к оружию: он растёт под открытым небом и в труде, терпит солнце, пренебрегает тенью, не знает бань и наслаждений, прост душой, довольствуется малым; тело его закалено для перенесения всякого труда, и носить

железо, рыть ров и переносить тяжести ему привычно». Второй: «Надлежит включать в войско кузнецов, плотников, мясников и охотников на оленей и кабанов». Первый латинский отрывок дан с развёрнутым авторским исправлением к листу 29, лицевой стороне: список опечаток на PDF 15–16 восстанавливает пропущенные слова и меняет ряд форм. Необычное заключение «*de iure est*», напечатанное и в исправлении, сохранено.

Глава XVI. В которой говорится о качествах и пользе каждой пешки: какие лучше для одного дела, а какие — для другого

Пешки обычно считают равными, одинаковыми по силе, могуществу и употреблению, поскольку, пока они остаются пешками, у них общий ход и способ взятия. А после превращения в дамы между ними нет различия в исполнении обязанностей дам. Однако те, кто считает пешки, пока они ещё пешки, одинаково полезными, ошибаются: одни лучше для одного дела, другие — для другого.

Пешка короля и пешка дамы лучше остальных для начала стычки с неприятелями и для создания крепкой преграды, затрудняющей противникам вторжение к своим. Получив свободу, именно они более всего мешают неприятелям и стесняют их, больше поддерживают своих и лучше могут быть ими поддержаны, поскольку держат главные проходы поля, где люди наиболее горячо ведут бой. Поэтому другие пешки не так сильно нападают на своём пути и не могут получить от своих столь же хорошей поддержки для превращения в дамы. Надлежит всячески стараться сохранить эти пешки или хотя бы поставить на их место другие. *(Современная запись: королевская пешка — исходно e2 у белых и e7*

у чёрных; ферзевая — d2 и d7. Здесь оценивается их роль, конкретная последовательность ходов не задана.)

Слоновые пешки лучше прочих для двух дел. Первое — прорывать неприятельские силы и освободить путь своим фигурам. Посредством такого прорыва они удерживают противников словно связанными и стеснёнными, не позволяя свободно вести стычки в поле и часто приходиться своим на помощь. Для таких прорывов наиболее пригодна пешка королевского слона, если игра строится и разворачивается от королевской пешки, как обычно делают хорошие игроки и как будет видно далее, в способах построения игры. Итак, как я говорю, эта пешка лучше расположена и более пригодна для расстройств неприятельской игры: она находится со стороны короля, против которого ведётся война, где защита слабее и нападающие расположены ближе. *(Современная запись: пешка королевского слона — f2 у белых, f7 у чёрных; речь о её роли при начале королевской пешкой e. Возможный ход f2–f4 служит лишь примером продвижения, а не приведённым здесь автором вариантом.)*

Пешка слона дамы лучше остальных для прорыва, когда игру начинают пешкой дамы. Многие так делают, и такой способ построения неплох, как будет видно в соответствующих разделах. *(Современная запись: пешка ферзевого слона — c2 у белых, c7 у чёрных; начало ферзевой пешкой означает ход пешки d. Конкретной дебютной схемы в этом абзаце нет.)*

Помимо сказанного у них есть ещё одно достоинство: если они не прорывают неприятеля, то лучше расположены и более пригодны для защиты и прикрытия своих. Они словно стражи пешек короля и дамы, часто и почти обыкновенно занимают их место, лучше способны закрывать короля и преграждать слонам вторжение против короля, отведённого в сторону. За эти выгоды и другие, очевидные любому хорошему игроку, их следует считать лучшими и более полезными.

Отсюда и обычай: давая преимущество в пешку, обычно отдают пешку королевского слона. После её удаления королю грозит большая опасность быть прорванным и разгромленным противниками. Это хорошо показывает, что она наиболее важна для защиты, нападения и прорыва. Ведь против шаха дамы и помогающих ей фигур у короля с этой стороны есть лишь одно прикрытие, тогда как с другой — много. С этой стороны он располагает только прикрытием пешки коня; с другой же, даже если отсутствует пешка слона дамы, ему остаётся прикрытие коня, слона и самой дамы. *(Современная запись: пешечная фора, о которой говорит Лопес: у дающего фору отсутствует пешка f2, если он играет белыми, либо f7, если чёрными. «Прикрытие пешкой коня» относится к пешке g. Остальные условия форы в этом месте не названы.)*

Поэтому, когда это можно сделать с выгодой, всегда следует стараться держать эти четыре пешки впереди единым

строим: они пригодны для этого и создают сильную защиту, поскольку занимают средние части поля. Согласие этого с военным порядком показывает Вегеций в главе 17 третьей книги «О военном деле», говоря: «Si bellatorum tibi copia non abundat, melius est aciem habere breviorē: dummodo in subsidiis colloces plurimos: nam plures circa medias partes campi de peditibus bene armatis debes habere electissimos, de quibus cuneum facias: et statim hostium acies rumpas». *(Современная запись: четыре названные пешки — с, d, e и f. Автор советует выдвигать их согласованно, но точные поля их общего построения здесь не задаёт.)*

Это значит: если у тебя нет изобилия воинов, лучше держать войско собранным, с тем чтобы поставить многих там, где потребуется помощь. Около средних частей поля следует иметь самых отборных из хорошо вооружённых пехотинцев: из них составь строй и затем прорви неприятелей.

Пешки королевского коня и ладьи лучше остальных для одного дела — создавать прикрытие королю, отведённому в сторону. Следует заметить: такие пешки возле отведённого короля, находятся ли они на королевской стороне или на стороне дамы, если король перешёл туда, не надо двигать без необходимости. Например, чтобы дать королю поле, если он оказался стеснён; иногда — чтобы отогнать неприятельскую фигуру, которая досаждала игроку и утомляет его. Для этого обычно полезнее ладейная пешка, чем коневая, хотя в зависимости от расположения сил нередко полезна и коневая.

(Современная запись: на королевском фланге речь о пешках g и h, на ферзевом — a и b. Например, ход h2–h3 может дать королю выход или напасть на фигуру на g4, но его полезность зависит от позиции. «Отведение» короля здесь не записано как современная рокировка.)

Их можно двигать также ради приобретения чего-либо полезного для игры. Я не предписываю здесь обязательного правила, а говорю о выгоде — по тому, что хороший игрок сочтёт подходящим для своей партии. Но тому, кто не таков, советую не двигать их сразу по любому маловажному поводу, когда король уже отведён в сторону. Из-за их продвижения неприятель часто получает более лёгкий вход именно там, особенно если сам он не отведён на эту сторону.

И как полезно не двигать их на стороне, куда отведён собственный король, так полезно не оставлять неподвижными пешки другой стороны, если неприятельский король отведён туда. Пусть они идут нападать на него и прорывать его защиту, но с осмотрительностью и рассудком: насколько возможно, нужно сопровождать их защитниками, сообразно характеру и состоянию игры.

Этим мы заканчиваем описание особенностей этих пешек и различий в способах извлечь из них пользу. Прежде чем пойти далее, я хочу рассказать здесь, в отдельных главах этого трактата, о том, как в древности изображали каждую из восьми пешек. Сказанное о пешках одной стороны относится и к пешкам другой, как и в случае фигур. Начнём в том

же порядке, что и фигуры, то есть с королевской пешки, согласно Иакову де Цессолису. Быть может, кому-либо будет приятно это узнать, хотя для нашей цели это не слишком существенно: наше объяснение и применение отличается от его, как мы уже отмечали в некоторых местах выше и ещё отметим далее.

Примечания редакции

Traspuesta означает здесь отведение короля с исходного места в более защищённую часть доски. С учётом изложенных в главе X исторических способов первого хода короля термин не подменён однозначно современной рокировкой. В словах «особенно если сам он не отведён на эту сторону» местоимение по контексту относится к неприятельскому королю: далее автор рекомендует пешечное наступление на противоположном фланге.

В цитате Вегеция учтён список опечаток к листу 30, оборотной стороне, строке 15: начало «*pat*» дополнено до «*pat plures*». Авторский испанский перевод не содержит отдельного соответствия

добавленному слову *plures* — «более многочисленных». В независимом латинском тексте Вегеция III.17 этот отрывок начинается «*Nam circa medias partes...*», без *plures*. В настоящем издании сохранено именно исправление Лопеса, а не молчаливая замена цитаты другим изданием.

Глава XVII. В которой описывается, как в древности изображали пешку, стоящую перед королём

Приступая к рассказу о древнем облике пешек, последуем тому же порядку, что и при описании фигур. Начнём с королевской пешки. Согласно Иакову де Цессолису, её изображали в виде простолюдина следующим образом: в правой руке — весы и гиря, в левой — мерная палка, на поясе — кошель, полный денег. *(Современная запись: королевская пешка в начальной расстановке: e2 у белых, e7 у чёрных.)*

Древний облик королевской пешки: весы, мерная палка и кошель. Редакционная гравюра.

Это изображение представляет три занятия. Весами, весовой маркой и гирей — менял и обменщиков денег, какие и ныне встречаются в оживлённых торговых городах, куда стекаются люди из разных краёв с разными монетами. Мерной палкой — торговцев сукном, тканями и прочими вещами, которые отмеряют. Кошелём с деньгами — хранителей денежных вкладов и любых иных вещей.

Её помещают перед королём, чтобы показать: в древности такие люди ведали королевской казной, от имени короля выплачивая воинам и служителям государства причитающееся жалованье. Всем им надлежит избегать скупости, держать обещания, платить долги и возвращать вверенное на хранение полностью.

Примечания редакции

*Слова *libra*, *marco* и *peso* относятся к взвешиванию монеты и гирям. В переводе сохранена весовая марка как историческое обозначение; современный денежный*

номинал или точный вес здесь не подставлены.

Глава XVIII. В которой описывается облик пешки, стоящей перед королевой, или дамой

Пешку, находящуюся перед королевой, или дамой, изображали так: человек сидит на стуле или учительском кресле, в правой руке держит книгу, в левой — небольшой сосуд с ароматическими веществами; его пояс увешан инструментами для лечения язв и ран. Эта фигура означает и представляет врачей. (*Современная запись: пешка перед ферзём: d2 у белых и d7 у чёрных.*)

Врач — древний облик пешки перед королевой. Редакционная гравюра.

Раскрытая книга означает, что врачу надлежит быть прилежным в учении и сведущим во всех разделах и искусствах, необходимых для совершенства его занятия. Кресло — что он должен преподавать их всем, кто желает следовать этому искусству.

Для совершенства врач должен знать грамматику, чтобы хорошо понимать авторов. Риторику — чтобы уметь располагать, выстраивать, излагать и разъяснять то, что намерен показать, и привлекать к себе расположение тех, с кем имеет дело. Логику — чтобы уметь излагать положения науки, различать их и обсуждать. Философию — для познания причин. Геометрию — для знания расположений. Арифметику — для критических часов и дней. Музыку — для понимания гармонии и устройства человеческого тела. Астрологию — чтобы различать подходящие времена для назначения лекарств, учитывая различие действия одних времён сравнительно с другими сообразно господствующим знакам и планетам, а особенно действие Луны при её восходе, возрастании и убывании. Всё это составляет качества совершенного врача.

Сосуд изображает аптекарей, соединённых с врачами; инструменты на поясе — хирургов. Один поставлен от имени троих, поскольку всё это части его дела. Его ставят перед королевой, или дамой, чтобы показать: людям, которым по их

занятию приходится ходить и общаться со всяким народом, необходимы добрые нравы, приятность речи, чтобы быть общительными и разумно говорить, телесное целомудрие, обнадёживающее обещание выздоровления больным, частые посещения, большая забота и усердие в лечении, изучении причин и распознавании признаков болезней, а также многое другое, что я опускаю ради краткости.

Но поскольку из всех добродетелей им особенно необходимо целомудрие, они поставлены перед королевой: ведь, леча женские болезни и видя члены и сокровенные части женского тела, они должны быть целомудренны и подавать другим пример целомудрия. Такой пример они имеют в своём учителе Гиппократе, о котором Валерий Максим рассказывает, что он отличался удивительной воздержанностью.

В Афинах, главном городе Греции, где преподавались благие искусства, жила знатная и прекраснейшая блудница. Ученики обещали ей талант, что по нашему счёту составляло около шестисот дукатов, если она сумеет склонить учителя к невоздержанности. Уверенная в своей великой красоте, она пришла к нему ночью и легла возле него, но ничем не смогла поколебать его воздержанности. На другой день ученики стали смеяться над ней, поскольку ни красота, ни соблазны не смогли испортить душу прославленного врача, и потребовали уплаты проигранного залога. Она ответила, что они с ней и она с ними спорили о том, чтобы своей красотой привлечь мужчину, а не статую. Так она назвала фило-

софа и врача статуей за его непоколебимую воздержанность. Я мог бы привести и другие примеры, но опускаю их ради краткости.

Примечания редакции

Перечень знаний и добродетелей врача передаёт историческое изложение Лопеса. «Критические часы и дни» относятся к старому учению о сроках перелома в течении болезни; упоминание астрологии сохранено как часть авторского текста. Учтено орфографическое исправление «perfection» → «perfecion» к листу 32, оборотной стороне, строке 8.

Имя Гиппократ и оценка таланта в шестьсот дукатов воспроизведены по Лопесу. В соответствующем рассказе Валерия Максима («Достопамятные деяния и изречения», IV.3, внешние примеры, 3) действуют философ Ксенократ и гетера Фрина. Именно она отвечает, что спорила о человеке, а не о статуе. Следовательно, имя героя у Лопеса расходится с указанным им древним источником; авторский текст сохранён, расхождение отмечено

здесь.

Глава XIX. В которой говорится об облике пешки, стоящей перед королевским слоном

Перед королевским слоном ставят другую пешку, которую изображали так: человек с ножницами в правой руке, большим широким ножом в левой, письменным прибором на поясе и писчим пером за правым ухом. *(Современная запись: пешка королевского слона: f2 у белых, f7 у чёрных.)*

Древний облик пешки перед королевским слоном. Редакционная гравюра.

Письменным прибором и пером она изображает нотариусов и писцов. Поэтому её помещают перед слоном как перед судьёй, о чём мы сказали в соответствующем месте. Большими ножницами она изображает тех, кого мы называем портными, штопальщиками, стригалими сукна, ткачами, цирюльниками и другими людьми такого рода. Нож изображает дубильщиков, отделочников кожи и мясников. Это потому, что судье по свидетельству писца надлежит проверять добросовестное исполнение всех этих занятий, а писцам и нотариусам — сообщать судьям о том, что делается не на пользу народу.

Глава XX. В которой говорится о древнем облике пешки, стоящей перед слоном королевы

Пешка, стоящая перед слоном королевы, имела следующий облик: человек протягивает правую руку, словно приглашает и зовёт в свой дом на постой; в левой руке держит хлеб, а на хлебе — небольшой сосуд с вином; на поясе — связка ключей. Он изображает содержателей таверн, харчевен и постоялых дворов. *(Современная запись: пешка ферзевого слона: с2 у белых, с7 у чёрных.)*

Содержатель постоянного двора — древний облик пешки перед слоном королевы. Редакционная гравюра по описанию Лопеса.

Их ставят перед слоном дамы, как перед судьёй, чтобы при неисполнении долга они подвергались телесному наказанию; потому и поставлены они перед судьёй, чья обязанность — наказывать преступающих закон.

Их обязанность — готовить хорошую пищу для приходящих в их дома, обходиться с ними радушно и верно хранить то, что постояльцы приносят с собой. Первое, относящееся к пище, изображает левая рука с хлебом и вином. Второе, радушие и усердие в угождении гостям, — протянутая правая рука. Третье означают ключи, висящие на поясе.

Глава XXI. В которой говорится об облике пешек, стоящих перед конями короля и королевы

Перед королевским конём помещают другую пешку в таком облике: человек держит молот в правой руке, тесло в левой, а на поясе у него отвес. К этому изображению относятся кузнецы, мастера, серебряных дел мастера и им подобные. Тесло изображает плотников, резчиков и других людей такого рода; отвес — каменщиков, каменотёсов и им подобных. *(Современная запись: пешка перед королевским конём: g2 у белых, g7 у чёрных.)*

Мастер с молотом, теслом и отвесом — древний облик пешки перед королевским конём. Редакционная гравюра.

Эти занятия помещены перед рыцарем, потому что все они ему необходимы: для изготовления оружия, удил, шпор, конских сёдел, жилищ и крепостей, где он может укрыться и защитить от неприятелей себя и своё царство.

Перед конём королевы ставят другого, в следующем облике: человек держит большие ключи в правой руке и жезл в левой; на поясе у него открытая сумка, а с другой стороны — меч. Ключами и мечом он изображает городскую стражу. *(Современная запись: пешка перед ферзевым конём: b2 у белых, b7 у чёрных.)*

Городской страж и должностное лицо общины — древний облик пешки перед конём королевы. Редакционная гравюра.

Жезл изображает также должностных лиц общины, которых мы в Испании называем *fieles secutores* и *almotacenes*: они надзирают за весами и мерами. Открытая сумка изображает сборщиков того, что причитается общине; в Испании мы называем их *mayordomos del cabildo*. Эти люди правильно и обоснованно поставлены перед рыцарями: рыцарям надлежит проверять и осматривать стражу города и государства, а прежде всего — самим охранять их.

Примечания редакции

Исторические испанские названия должностей оставлены рядом с авторским объяснением. Fieles secutores и almotacenes — названные здесь надзиратели за весами и мерами; mayordomos del cabildo — распорядители городского совета, связанные в этом описании со сбором поступлений. Их обязанности не приравниваются к точной современной должности.

Глава XXII. В которой описывается древний облик пешки, стоящей перед королевской ладьёй

Перед королевской ладьёй стоит пешка, которой был придан следующий облик: человек с мотыгой в правой руке, посохом в левой и серпом, садовым ножом или небольшой мотыгой на поясе. Так изображён земледелец, которому нужны эти три вещи. *(Современная запись: пешка перед королевской ладьёй: h2 у белых, h7 у чёрных.)*

Земледелец — древний облик пешки перед королевской ладьёй. Редакционная гравюра по описанию Лопеса.

Мотыга означает и изображает землепашцев: мотыгой обрабатывали землю до употребления плугов и даже после. Посох изображает пастухов и людей, стерегущих стада: этим посохом, который мы называем *aguijada*, они направляют крупный скот, гонят его на пастбища и обратно. Серп, садовый нож или малая мотыга изображают жнецов и тех, кто обрабатывает виноградники, подрезает лозы, удаляет плохие ветви деревьев и возделывает сады. К этим трём делам сводится всё земледелие, и занятие земледельца в них широко охвачено.

Поскольку земледельцам надлежит снабжать всю землю и царство необходимой для человеческой жизни пищей, их ставят перед королевским наместником. Это означает, что наместнику и правителю короля свойственно заботиться о хорошем снабжении царства.

Всё это принадлежит Иакову; я лишь убираю некоторые более пустые и невежественные вещи и располагаю оставшееся в лучшем порядке, чем он. Но поскольку моя главная цель — упрекнуть его не в предлагаемых изображениях, а в их применении, я не стану здесь обсуждать, прав ли он, ограничивая дело земледельца тремя названными занятиями. Для совершенства земледелия требуется ещё очень многое, перечислять что было бы долго, как показывают Плиний, Колумелла, Варрон, Катон, Вергилий, Палладий и мно-

гие другие. Кто желает полного знания об этом, пусть читает их. Я же, не задерживаясь на этом, закончу разбор этих изображений рассказом о значении пешки, стоящей перед ладьёй королевы.

Примечания редакции

В описании пояса учтено авторское исправление к листу 35, лицевой стороне, строке 25: sacco → sacho, небольшая мотыга; слово «мешок» сюда не подставлено. Aguijada — заострённый погонный шест. К оборотной стороне того же листа учтены орфографические поправки picturas → pinturas и perfection → perfecion; русского смысла они не меняют.

Глава XXIII. В которой описывается древний облик пешки, стоящей перед ладьёй королевы

Пешку перед ладьёй королевы, согласно Иакову де Цессо-лису, изображали так: человек с густыми курчавыми волосами, с какими-то деньгами в правой руке и тремя игральными костями в левой; вместо пояса у него верёвка, на которой висит сумка, полная писем. (*Современная запись: пешка перед ферзевой ладьёй: a2 у белых, a7 у чёрных.*)

Древний облик пешки перед ладьёй королевы: монеты, три кости и сумка с письмами. Редакционная гравюра.

Во-первых, изображены расточители: хотя бы у них накопилось столько благ, сколько волос на голове, без заботы о сохранении эти блага легко теряются. Их изображают курчавыми и взъерошенными волосами, словно отклонившимися от должной упорядоченности и согласия, чтобы они не были растрёпаны и разбросаны, как эти волосы.

Ибо, как говорит Овидий: «Non minor est virtus quam quaerere, parta tueri. Casus inest illic, hic erit artis opus». Это значит: сохранить приобретённое — добродетель не меньшая, чем приобрести. Ведь в приобретении участвует удача, а в сохранении — искусство и знание. Поэтому обычная поговорка гласит: «Qui non cavet expensam, prius mendicat quam sentiat». Это значит: кто не следит за расходами, обеднеет и станет нищенствовать прежде, чем заметит.

Их ставят перед наместниками и правителями. Для блага царства таким людям необходимо назначать попечителей, чтобы они не расточали своё имущество и не начинали красть и совершать преступления во вред государству и царству.

Во-вторых, изображены игроки: мы редко видим преуспевающими тех, кто сделал игру своим занятием. Их также надлежит обуздывать, как причину общего вреда для царства.

В-третьих, изображены гонцы и ходоки, которых мы в Ис-

пании называем почтарями. Им надлежит усердно и заботливо доставлять и приносить письма — как относящиеся к общему благу, так и частные. Их ставят перед наместниками и правителями, чтобы проверять и наказывать: неисполнение ими должного могло бы причинить тяжкий вред.

На этом, говорит Иаков де Цессолис, заканчивается описание мудрым философом всего изобретения этой игры, составленной и устроенной по образцу государства; далее он говорит и о другом, что я опускаю. Всё это не согласуется с игрой и причиной её изобретения, как мы скажем и отчасти уже сказали выше, показав, что это военное изобретение.

Примечания редакции

Cartas здесь передано как «письма»: ниже автор прямо объясняет сумку через обязанность гонцов доставлять государственную и частную корреспонденцию. Игральные кости обозначены отдельно.

Двустишие Овидия — «Наука любви», II, 13–14. В сопоставленном латинском тексте стоят «Nes» и

«hos» вместо напечатанных у Лопеса «Non» и «hic». В переводе сохранены слова издания Лопеса и его собственное испанское объяснение.

Глава XXIV. В которой говорится о значении фигур и пешек сообразно устройству этой игры

До сих пор в предыдущих главах мы говорили о значении, образах и облике всех шахматных фигур, следуя учению Иакова де Цессолиса из написанного им небольшого трактата. Доска представляет государство или царство, а фигуры и пешки — различные разряды людей, сословия и занятия в этом государстве или царстве, как мы подробнее излагали в предыдущих главах. Однако мы всегда возражали против такого мнения и учения и показывали, что здесь изображён не город, а поле с двумя королями и их войсками, готовыми дать друг другу сражение.

Так философ показал Амилину Эвильмеродаху необходимость беречь подданных в мирное время, чтобы, когда наступит нужда, найти их готовыми и усердными к его службе. Ведь государям гораздо лучше воевать со своими людьми и обучать их военному делу, нежели искать чужеземцев за плату. Это показывает Вегеций в разделе 28 первой книги: «*Utilius constat erudiri armis suos quam alienos mercede conducere*». Это значит: несомненно, полезнее обучить своих людей владению оружием, чем набирать чужих за плату.

Причина же устройства этой игры по образцу войны, как

мы уже упоминали выше, заключалась в том, чтобы король понял сказанное Вегецием в третьей книге «О военном деле», разделе 3: «*Neque enim divitiarum segura possessio est, nisi armorum defensione servetur*». Это значит: нет безопасного владения богатствами, если они не охраняются силой оружия.

Поэтому в десятом разделе той же книги он говорит: «*Quis autem dubitat artem bellicam rebus omnibus esse potiore? Per quam libertas retinetur, et dignitas provinciae propagatur, conservatur imperium*». То есть: кто сомневается, что военное искусство выше всего прочего? Через него удерживается свобода, расширяется достоинство провинции и сохраняется империя.

Думаю, никто не остаётся в неведении, что это военное изобретение; а если кто и не знал, пусть узнает отсюда, а также из двестишестидесяти Марциала во второй книге: «*Insidiosorum si ludis bella latronum, gemmeus iste tibi miles et hostis erit*». Это значит: если ты играешь в войну разбойников, устраивающих засады, эта фигурка из стекла или другого блестящего вещества может служить тебе воином и неприятелем. Ведь, поставив её на свою сторону, ты сделаешь её своим воином, а на стороне противника она будет твоим неприятелем.

И Овидий: «*Sive latrocinii sub imagine calculus ibit: fac pereat vitreo miles ab hoste tuus*». Я мог бы привести и много других примеров и свидетельств, но опускаю их, поскольку

в столь доказанном деле они не нужны.

Итак, зная, что эта игра — военное изобретение, следует знать, что представляет в ней каждая фигура. О короле и королеве никто не сомневается: король означает господина и государя войска, а королева, или дама, представляет главного военачальника этого войска по образцу амазонок, как мы объяснили выше. Поэтому после короля она самая главная — по своим способностям, силе и движению; как таковая, она всегда следит за всеми нуждами, чтобы прийти на помощь.

Если кто усомнится в этом и скажет: раз в старой игре, как мы говорили в главе о даме, она ходила лишь с поля на поле, значит, она не означала главного военачальника, — на это я отвечаю: нам неизвестно, был ли такой обычай столь же общим у всех прочих народов, как у мавров; напротив, мы видим и противоположный обычай. И даже если дело обстояло так, это означало бы, что цари тех персидских земель, где игра была изобретена, выходили в поход со своими жёнами, как мы сказали. Тогда, при столь малой пользе в игре — переходе с поля на поле, — эта фигура представляла бы королеву. Согласимся, что это так: у игроков всех народов она всегда была известна под женским именем, хотя впоследствии ей и дали силу военачальника.

Если же понимать её по имени, а не по силе, мы можем считать её женой короля, однако превосходящей других в военном деле. Так книги поэтов и других авторов рассказыва-

ют о некоторых женщинах, например об Аталанте, Гарпалике и многих других, которых я мог бы назвать, не говоря о тех, кого описывает Ариосто, и так далее. Но об этом мы уже сказали в главе о королеве.

Слоны, по Дамиано, означают князей; поэтому, говорит он, они стоят ближе к королю и королеве, чем любая другая фигура. Однако он сильно ошибся, не зная, что изображает эта игра: если бы знал, не поместил бы столько князей при столь малом числе воинов, а изобретатель игры не сделал бы их почти равными коням, или всадникам, и уступающими ладьям. Причиной его заблуждения стало итальянское название «Delfino».

Эти слоны изображают не телохранителей — satellites, как говорили некоторые, хотя satelles и означает наёмного воина, который не отходит от императора и которого мы теперь называем воином охраны: такая служба существует и в мирное, и в военное время. Если бы это был воин охраны, ему следовало бы стоять во втором ряду с пешими, ибо он пеший воин, а не всадник. К тому же это не соответствует силе и возможностям фигуры в игре. А поскольку здесь дано краткое наставление о войне, в нём должны быть лица, назначенные для её нужд и управления ею. Поэтому, по моему мнению, слоны означают и представляют тех, кого мы называем Tribunos militum, по-нашему — капитанов пехоты, или, если следовать звучанию названия, пехотного знаменосца.

Кони пусть представляют всадников, а ладьи — викариев:

это ещё одна важная военная должность. Поэтому их ставят на крайние поля, словно на рога боевого строя. Необходимость этого показывает Вегеций в разделе 17 третьей книги «О военном деле»: «Optima ratio est, et ad victoriam plurimum confert, ut electissimos de peditibus, cum vicariis, comitibus, tribunisque vacantibus habeat dux post aciem praeparatos: alios circa cornua, et alios circa medium, ut sicubi hostis vehementer insistit, ne rumpatur acies, praevolent subito, et suppleant loca: additaque virtute inimicorum audacia frangatur».

Это значит: превосходнейший способ, весьма полезный для достижения победы, — чтобы военачальник держал самых отборных пеших воинов, которых мы называем пехотинцами, с сопровождающими их викариями и с трибунами, не участвующими в бою, всех наготове позади войска: одних возле рогов войска, других возле середины. Тогда, если неприятель где-либо настойчиво и сильно теснит, они смогут быстро прийти туда и заполнить места, чтобы строй не был прорван, а прибавленные доблесть и сила сокрушили дерзость неприятелей.

Другие говорили, что ладьи представляют центурионов, а иные — *magistros Equitum*, что на нашем языке называется капитаном королевской охраны. Хотя вначале они несколько удалены от короля, затем они соединяются с ним, чтобы защищать его, и всегда остаются в его ряду, охраняя его, кроме случаев, когда для защиты своих и нападения на неприятеля им приходится выйти из этого ряда. Но это мне не нравит-

ся: такая должность принадлежала бы одному, а не двоим, и двум здесь незачем быть. Если же кто скажет, что одна служит для охраны короля, а другая — королевы, отвечаю: такого действия она не выполняет, ибо не охраняет королеву, а, напротив, королева охраняет их.

Но если по каким-либо иным причинам и соображениям кому-нибудь покажется подходящей одна из этих должностей или другая, пусть каждый придерживается того мнения, которое ему нравится, лишь бы понимал: это важные военные лица и должности, такие как полковники, начальник лагеря или кто-либо из уже названных.

Все знают, что кони представляют людей, сражающихся верхом: тяжеловооружённых всадников или лёгкую конницу. Пешки — всю пехоту. Ладьи получили своё название потому, что подобно скале — *rocha* — поставлены на рогах своего войска, как скала и прочная защита для своих.

Примечания редакции

*По авторскому списку исправлений к листу 37v
восстановлены ссылка на первую книгу Вегеция вместо*

предисловия, начало «*Neque enim divitiarum segura possessio est*» и слова «*Quis autem*». В первой цитате о богатстве дополнительно исправлено очевидное печатное «*атогит*» на «*армогит*» — «оружия»: это согласуется с испанским объяснением Лопеса и текстом Вегеция III.3. В следующей цитате сохранены остальные слова и синтаксис издания Лопеса. В сопоставленном тексте Вегеция III.10 стоят «*dubitet*» и «*propagantur provinciae*»; эти расхождения не перенесены молча в текст Лопеса.

Редакционный перевод двустишия Овидия: «Если игровая фишка пойдёт в подобии разбойничьей схватки, сделай так, чтобы твой воин погиб от стеклянного неприятеля». Это «Наука любви», II, 207–208: в контексте поэт советует уступать возлюбленной в игре. Лопес приводит строки как свидетельство военного образа игры. Древняя игра, о которой говорят Марциал и Овидий, сама по себе не свидетельствует о существовании современных шахмат в античности.

«Рога» войска — его фланги. Викарии — заместители начальников. Сопоставления римских и испанских должностей, значение названий фигур и этимология *roque* от *roscha* передают рассуждения Лопеса. В его латинской цитате Вегеция III.17 отсутствуют слова «*et equitibus*» — «и всадников», имеющиеся в сопоставленном тексте Вегеция; здесь сохранён состав цитаты Лопеса. В испанском

объяснении он также не переводит *comitibus* отдельным названием должности.

Учены авторские орфографические исправления к листам 39r и 40r: «*instruction*» → «*instrucion*», «*guardia*» → «*guarda*». Они не меняют русского смысла соответствующих мест. Двустиие Марциала находится в книге XIV, эпиграмме 18 («Игровые фишки»); в сопоставленном тексте стоит «*getmeus*». Ссылка на вторую книгу оставлена в авторском тексте по Лопесу. Напечатанное сокращение «*gēmeus*» раскрыто как «*getmeus*»: надстрочный знак обозначает пропущенную *m*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.